

An angel with large, detailed white wings is shown in profile, facing left. She has blonde hair styled in a bun and is wearing a light purple, flowing robe. In her right hand, she holds a glowing, golden orb that illuminates her face and the surrounding area. The background is a dark, starry night sky. The top and bottom of the image feature intricate, repeating mandala patterns in blue and purple tones.

Милена Ёсенская

ПОГРЕШНОСТИ
против хорошего вкуса

Милена Есенская

**Погрешности против
хорошего вкуса**

«Издательские решения»

Есенская М.

Погрешности против хорошего вкуса / М. Есенская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932955-4

Жителям маленького города, построенного серафимами в удаленном уголке страны, не стоит надеяться на спокойную жизнь. Словно магнит, он притягивает к себе и алхимиков, изучающих тайны Вселенной, и ожившую статую, и поезд-призрак. Сестры Гадаловы, неожиданно оказавшиеся в центре событий, вынуждены разгадать множество загадок и распутать немало тайн, чтобы вернуть городу утраченные сокровища. Серафимы, ундины, домовые — никто из обитателей города не останется в стороне от этой истории.

ISBN 978-5-44-932955-4

© Есенская М.
© Издательские решения

Содержание

1	7
2	12
3	20
4	28
5	34
6	38
7	43
8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Погрешности против хорошего вкуса

Милена Есенская

Двум любимым городам посвящаю

Корректор Вера Вересиянова

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Милена Есенская, 2018

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2955-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Восемь прекрасных яблонь, посаженных серафимами из Семнадцатого отряда Воинств, раскидистый дуб со звездным именем Альтаир, жимолость, выросшая из слез ангела, и небольшая мраморная статуя мадонны Ожидание, обвитая розами, – в этом саду было на что посмотреть. Узкие тропинки, если двигаться по ним от источника, вели прямо к храму, где даже по ночам, за закрытыми дверями, слышалось чудесное пение. Неподалеку располагалась гимназия, фасад которой украшал девиз «Найди небо внутри себя»; высокие стрельчатые окна впускали свет в просторные залы для занятий и личные комнаты учеников на втором этаже.

Целебное озеро с белой лодкой на пристани и бесценная библиотека, запертая на золотой ключ в часовне Благодарного Сердца, дополняли перечень сокровищ, притягивавших в Ялуторовск целые толпы паломников, болящих, просто любопытных и, иногда, заезжих ученых, в особенности теологов.

Эта идиллия начала рушиться в годы Первой мировой войны, когда часть преподавателей и учеников старших классов ушла на фронт, после чего занятия стали проводиться урывками; правда, сад еще поддерживался в приличном состоянии. Гражданская смута и последовавшие за ней печальные события поставили жирную точку в существовании этого удивительного квартета – школы, сада, храма и часовни. Первыми жертвами стали розы, погибшие без должного ухода; затем в бывшей гимназии открыли пункт по ликвидации безграмотности, а мадонна Ожидание была увезена в эмиграцию. После разграбления часовни навсегда умолкли и невидимые хористы. Об ушедших временах напоминали только кусты сирени шести сортов, яблони, щедро роняющие каждую осень свои ветхозаветные плоды, и заросли тамариска, легкой лиловой вуалью покрывшие скелет разоренной часовни. Озеро затянулось ряской; лодка, перекрашенная в цвет ржавчины, какое-то время еще стояла у пристани, но потом исчезла без следа.

Так закончилась лучшая эпоха в истории Ялуторовска – маленького города в двух часах езды от К. Основанный еще в конце восемнадцатого века, он достиг вершины благополучия к первой половине века девятнадцатого. Золотая лихорадка пролила на эту некогда бедную землю реки шампанского и заставила расцвести каменные цветы зданий, сделала марокканские апельсины не большей редкостью, чем свекла, одела дам в радужные шелка и поколебала будничные представления о Восточных землях как о мрачных и лишенных комфорта. К семидесятым годам золотая река пересохла, однако нувориши накопили достаточно денег для себя и потомства, занялись торговлей и банковским делом. Среди всех фамилий в Ялуторовске выделялись Гадаловы – одно из старейших и почтеннейших семейств.

Именно их далекому предку и пришла в голову мысль заложить небольшой городок, который должен был стать своеобразным заповедником веры. Предполагалось построить здесь

несколько храмов, дюжину часовен, учебное заведение, призванное наставлять светскую молодежь духовным предметам, и освятить часть природных объектов: родник, сосновый бор, загадочную розовую сопку, покрытую сизым туманом. В строительстве приняли участие четыре десятка ангелов-серафимов – им эта задумка также пришлось по душе.

Через три года после основания города произошел скандал, подробности которого до конца не были известны, – и ангелы покинули недостроенный город. Их уход оказался весьма существенной утратой: крылатые строители не знали усталости и могли работать день и ночь, чего не скажешь о людях. Вместо пяти запланированных храмов удалось выстроить только один, зато все двенадцать часовен были завершены точно в срок. В каждую поместили статую Девы, называемую ангелами на европейский манер мадонной. Итак, двенадцать мистических дев в мраморных часовнях благословили двенадцать улиц этого города, разбегавшихся, словно лучи, от храма Огненных Серафимов.

Весной, на празднике Освящения Источника, здесь устраивались ярмарки, привлекавшие множество народу из К. и других городов. Эта традиция была заложена еще серафимами и с тех пор неуклонно исполнялась. Торговля и паломничество составили основу процветания этого небольшого городка. Люди приезжали помолиться в часовнях, поглазеть на разные диковины и прогуляться в бору, где, как рассказывают, иногда видели ускользящие тени крылатых существ. Для гостей выстроили несколько постоянных дворов, кофеен, магазинов и сувенирных лавок.

Необыкновенная «солнечная» планировка раз и навсегда ограничила возможности роста города. Каждая улица начиналась от храма и, чуть расширяясь к концу, завершалась часовней. Никто не имел права что-либо строить за часовнями – на то был строгий запрет как духовных, так и светских властей.

Улицы получили имена святых – от Маргариты Антиохийской до Франциска Ассизского. За порядком на каждой улице следили старосты – как правило, это были люди надежные, избранные большинством голосов жителей улицы. Первую дюжину старост назначили еще серафимы-основатели – двенадцать самых верных помощников из числа строителей часовен.

Летом город тонул в благоухании редких растений и трав; зимой, когда увядали цветы и уходили ароматы, Ялуторовск засыпало разноцветным снегом. Иногда фиолетовый, иногда голубой, очень мягкий, он скрашивал горожанам скуку долгих морозных дней. Всегда было интересно угадать: какой снег повалит завтра? Лиловый? Или цвета аквамарина? Даже если это был тривиально белый, жители все равно радовались. «Сегодня наконец-то обычный, – говорили они. – А то что это за Рождество – с фиолетовым снегом?» Разноцветные сугробы делали облик Ялуторовска непредсказуемо пестрым. Приезжие сильно удивлялись и, говоря по правде, подозревали, что городской голова нечист на руку и по ночам заставляет дворников обливать снег краской. Эти смехотворные сплетни веселили горожан, а дети с удовольствием кидались в недоверчивых пурпурными снежками.

Среди гостей, впрочем, имелись и неглупые люди, прекрасно осведомленные, что разноцветный снег есть не только в Ялуторовске, но и в уединенных уголках Алтая, Памира и других местах, не слишком испорченных человеческим присутствием.

Война и последовавшие за ней социальные потрясения изменили городские устои до неузнаваемости, и многие удивительные вещи, происходившие здесь, постепенно стерлись из людской памяти; цель этого повествования – выхватить из темноты забвения события, случившиеся в Ялуторовске, когда двадцатый век только вступал в свои права.

1

Невидимые ангелы уже раскинули легкий розовый шатер утреннего неба, когда экипаж с семейством Гадаловых наконец подъехал к своему новому жилищу. Этот особняк в центре города, несостоявшийся гражданин Рима, – камень для его постройки брали из Ардеатинских каменоломен, – провел почти год без хозяев, что отрицательно сказалось на его внешнем виде: окна под слоем пыли выглядели как потухшие без радости глаза, белая краска поблекла и стала серой, крыша покрылась трещинами и прохудилась. Градоправление делало неоднократные попытки привести дом в порядок, но тот, словно живое существо, сопротивлялся всем благим намерениям – свежая штукатурка начинала тускнеть на третью неделю, а крыша исправно принимала прежний запущенный вид уже на четвертый-пятый день после ремонтных работ.

Это было утонченное здание невесомых пропорций, напоминающее свадебный торт: все три этажа круглой формы, каждый последующий чуть меньше предыдущего по площади; с боков к нему примыкали два изящных флигеля.

«Мы просим вас приехать как можно быстрее, иначе дом придет в запустение. Он не привык к столь длительным периодам одиночества и нуждается в людской компании. Приезжайте и спасите – одним своим присутствием спасите – этот уникальный памятник истории и архитектуры», – такова была выдержка из письма градоправления, которое Марья Клементьевна Гадалова получила за месяц до своего прибытия в Ялуторовск.

Четыре новые владелицы особняка не без трепета вступили в свое жилище.

Александра, девица в траурном платье с кружевным жабо, поверх которого висела золотая игла на тонкой цепочке, посещала этот дом пару лет назад – с тех пор в нем не произошло значительных изменений. После смерти хозяина все комнаты прибрали и мебель покрыли чехлами, но не посмели тронуть ни одного предмета обстановки. Здесь имелось множество приятных мест – начать хотя бы с китайской гостиной, полной фарфоровой посуды и шелковых ширм, где одна из стен была целиком расписана сотней иероглифов. Все они, несмотря на внешнюю непохожесть, переводились словом «счастье».

Из гостиной женщины разбрелись в разные стороны. Александра направилась в спальню Петра Гадалова, где на стене висела огромная карта сонного королевства с постоянно меняющимся ландшафтом – в зависимости от того, куда забредала душа ее владельца во время ночного отдыха. Поскольку в кровати давно никто не спал, карта изображала бесцветный степной пейзаж. На столике возле окна Александра нашла несколько квитанций за сны – отец продолжал работать и ночью, заказывая себе сновидения, в которых ясное сознание полностью или частично сохранялось.

Девушка взяла одну из бумажек, разглядывая малопонятный почерк. Когда она в последний раз была в Ялуторовске, ей доводилось оплачивать эти квитанции в сонной лавке. Ей тогда тоже очень хотелось заказать себе хотя бы одно сновидение, но Гадалов не позволил этого сделать – ведь осознанные сны не предназначены для детского баловства.

Александра была хранилищем маленькой тайны, которая не выходила за пределы рода уже сотню лет. Согласно фамильной легенде, каждая десятая девочка в этом небольшом клане почтенных предпринимателей рождалась с розой вместо сердца.

Гадаловы выбились в люди при Екатерине Великой, и один из их предков, заложивший основы семейного процветания, был преданным другом капитана Семнадцатого отряда Воинств. Когда у этого человека родилась дочь, капитан Л. сказал ему, что у девочки вместо сердца изысканная белая роза, похожая на те, что растут в Кастилии, но только лишенная запаха. По достижении девицей зрелых лет в ее власти будет заставить цветок благоухать – и тогда она сможет раз и навсегда сэкономить на продукции парфюмерных лавок. Правда, что

для этого нужно сделать, серафим не сообщил, а Гадалов спрашивать не решился – если ангел чего-то недоговаривает, значит, на то есть веские причины.

За минувшее столетие родилось еще пять младенцев женского пола с цветами вместо сердец, и последним из них как раз и была Александра. Кто-то из семейства верил в это чудо, а кто-то – нет, тем более что ни у одной из девочек роза так и не стала источать аромат. Доказательств не было, и в эпоху материализма и унылого скепсиса словам ангелов верили уже не так безоговорочно, как раньше. Более того, сама Александра иногда в этом сомневалась. Ее дедушка вообще относился к болтовне о розах крайне недоброжелательно. «Грудная клетка не клумба, – ворчал он, когда беседа касалась этого щекотливого предмета. – Кто знает, как это может отразиться на здоровье ребенка? И что проку в таком сердце, не понимаю». Ему возражали, что это красиво и романтично. «В наш век железных дорог и банковского капитала говорить о романтике неразумно, – сразу мрачнел представитель старшего поколения. – Ваш романтизм не намажешь на хлеб». В итоге мнения имелись разные, но и с розой, и без нее дочь Петра Гадалова была самой завидной невестой в К. Внушительное приданое, помноженное на природное обаяние, делало ее привлекательной во всех отношениях.

Пока Александра знакомилась с инвентарем сонной лаборатории, в небольшую меланхоличную комнату, именуемую английской читальней, медленно, будто с опаской, вошла ее двоюродная сестра. Магдалина была внебрачной дочерью Эммы Полозовой и старшего из братьев Гадаловых, растратившего свою часть состояния и умершего вследствие беспутной жизни. Ее приятный облик – миловидное лицо, стройную талию в легких воланах голубого платья – изрядно портил горб на спине, полученный в детстве в результате какой-то травмы, о которой ее мать не особенно любила распространяться. Помимо внешнего уродства она страдала еще и умственным расстройством – могла, например, выйти зимой на улицу без обуви или рассказывать при гостях, что имела удовольствие лично общаться с императрицей Екатериной.

Из-за этих странностей род Полозовых ее недолюбливал и даже лишил скудного наследства. Гадаловым, напротив, она импонировала, так как отлично рисовала, занималась балетом и умела стряпать вкусный коричневый пирог, была тихой и покладистой. А что еще требуется от барышни? Ее уже не надеялись сбыть с рук – за двадцать три года своего скромного существования Магдалина не привлекла к себе внимания ни одного мужчины, и все семейство смирилось с ее ролью приживалки, тем более что она хорошо шила и не гнушалась помогать горничной по дому. Никто не препятствовал ей в этой деятельности, поскольку семейный доктор, Ключе, рекомендовал для нее физический труд, чтобы умственные отклонения не прогрессировали.

Комната, куда вошла Магда, была похожа на девушку своим темпераментом. Английская читальня выходила окнами в сад, на некогда аккуратно подстриженную лужайку, посередине которой загадочным каменным пентаклем возвышался небольшой дольмен, вывезенный Петром Гадаловым из Крыма.

Здесь постоянно было пасмурно, за окном не переставая шел дождь – то мелкая морось, то сильный ливень. Однако реальная погода в саду не всегда совпадала с тем, что можно было наблюдать из читальни. На самом деле на улице падал снег или светило солнце, но, очутившись внутри гостиной, вы видели только дождь. Подобный оптический обман создавали особые стекла, заказанные Гадаловым в мастерской Лазаревского, где стеклодувы были искушены в секретах изготовления разнообразных прозрачных изделий, в том числе вызывавших погодные иллюзии.

Магдалина вытащила наугад первую попавшуюся книгу на полке – «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла. Это оказался ее старый знакомец – такой же томик был и в К., и девушка провела за ним немало часов. Из старого фолианта неожиданно посыпались сухие листья, служившие то ли памятью о летних днях, то ли закладками.

В комнате не обнаружилось ни кресел, ни дивана; единственным прибежищем книгочех был очень широкий подоконник, затянутый пестрым бухарским ковром, с массой расшитых подушек, набитых лебяжьим пухом и запашистыми травами. Магдалина, скинув ненавистные ей туфли, с удовольствием примостилась на нем, по достоинству оценив задумку бывшего владельца особняка: шум несуществующего дождя и приглушенный дневной свет создавали идеальный фон для чтения. Она раскрыла книгу на том месте, где автор описывает Золотой дворец Нерона. Этот отрывок неизменно вызывал у нее ужасное любопытство и в свое время подтолкнул к тайному посещению Рима, о котором не догадывался почти никто из родни.

Как выяснилось позже, эта книга любила поиграть с читателем, незаметно переодевая его в древний наряд. Часто, просидев над повествованием два или три часа, Магдалина вставала с подоконника, наряженная не хуже знатной патрицианки эпохи ранней Империи. Античное наваждение рассеивалось не сразу, и за ужином домашние с опаской косились на хитроумно драпированное одеяние, пока Магдалина неспешно вкушала жасминовый чай.

Двумя последними из нового списка обитателей особняка были двоюродная сестра Петра Гадалова со своей дочерью, полноватой пятнадцатилетней девицей, полтора года страдавшей от затяжной болезни, – со дня на день ее готовились отдать в приличный пансион, где она смогла бы доучить французский и набраться хороших манер.

Все эти дамы большую часть своей жизни провели в К., и по крайней мере три из них до недавнего времени не планировали никакой смены места жительства. Причиной их переезда явилась смерть Петра Васильевича, который, по установленному обычаю, являлся патроном Ялutorовска.

По контракту, заключенному более ста лет назад, кто-либо из рода Гадаловых должен был заведовать делами города и находиться в нем практически неотлучно. Это могло быть лицо любого пола никак не моложе тридцати лет. Разумеется, эта обязанность не всем приходилась по душе, поскольку предполагала высокую степень ответственности, однако отец Александры проявлял заботу о серафическом заповеднике с огромной радостью. Неожиданная смерть прервала его деятельность, и Гадаловым пришлось искать нового кандидата на эту должность. Несмотря на обилие родственников, доброволец нашелся только один: младшая кузина Петра Васильевича. Она, не считая дочери, была одинока и довольно бедна. Должность Патронессы обещала ей более чем сносный доход и возможность проявить свои организаторские таланты, которые до этого не шли дальше командования кухаркой и горничными.

Вместе с ней решила поменять место жительства и Александра, ставшая полной сиротой после смерти отца. Разделив с братом внушительное состояние, она еще не чувствовала всех преимуществ богатства. Девушке хотелось сменить обстановку, покинув дом, где жизнь текла слишком размеренно и скучно. Помимо этого, ей нужно было, по давнему уговору с отцом, проучиться хотя бы пару лет в местной гимназии. Ее брат, не проявлявший никакого интереса к духовным делам, остался в К. Ну а Магдалина прицепилась к этой компании из-за какого-то ей одной понятного каприза. Ее не особенно хотели брать – что делать со слабоумной в маленьком городишке? Однако она проявила неслыханное упрямство, и пришлось ее все-таки взять, со всем нехитрым приданым: канарейкой, десятком розовых кустов в белых фаянсовых вазонах и большой плетеной корзиной для рукоделия.

Магдалина попросила себе в качестве пристанища комнату на третьем этаже – одно из самых малопримечательных, по мнению новоиспеченной госпожи Патронессы, помещений. Тем не менее Магде ее жилье очень даже нравилось – у нее не было соседей, а этого как раз ей хотелось больше всего.

Утренний свет, струившийся из окон с трех сторон, окрасил комнату в мягкие золотистые тона. В ней уже давно не жили, и все же она не производила впечатления запущенной. Из мебели здесь имелись только просторная кушетка и письменный стол. Опустив на него канарейку, Магдалина раскрыла плетеный короб, рассеянно перебирая свои незамысловатые

сокровища, из которых упоминания достоин, пожалуй, лишь хрустальный флакон, закрученный в виде ракушки. Он был наполнен духами, меняющими запах в зависимости от дня недели. День переезда пал на субботу, и поэтому они источали фиалковый аромат. Этот флакон был подарен ей на именины, и она пользовалась им только по праздникам. Однако перемена места жительства была в чем-то праздничным событием для нее, и Магда позволила себе уронить на запястье несколько драгоценных капель. Девушка не могла часто покупать хорошие духи, поскольку не была богатой наследницей, как Александра; молодость составляла ее единственный капитал. Добавить сюда слово «красота» не позволял горб, портивший все внешнее впечатление о ней.

Как ни странно, саму Магдалину этот факт практически не расстраивал: никто ни разу не видел ее огорченной по этому поводу. Она жила как все остальные барышни, полностью игнорируя свое уродство: крутилась перед зеркалом, любила наряжаться, без малейшей тени стеснения отплясывала на балах. Готовясь к маскараду, она совершенно серьезно обсуждала с Александрой, как нарядиться так, чтобы не быть узанной, словно бы не понимая, что никакой наряд не скроет ее главную физическую примету. Эти чудачества объясняли врожденным слабоумием и радовались, что она не вполне осознает свою ущербность.

Вскоре в дверь постучали: это явилась горничная со стопкой свежего белья и подушками. Она также принесла ключ от маленькой туалетной комнаты, располагавшейся справа от входной двери. Магдалина тут же заглянула в эту комнатку, где непотускневшей красотой сияли прекрасное венецианское зеркало и вместительная круглая ванна, обставленная целой армией тазиков и кувшинов. По стене, обнимая затейливую решетку вентиляционного окна, спускались побеги какого-то причудливого растения с бледными голубыми цветами. Как пояснила горничная, этот цветок был подарком одной дамы, сильно увлекавшейся садоводством и бывшей в приятельских отношениях с ее отцом.

– Дама развела у себя это растение в больших количествах, прельщенная приятным запахом. – Горничная неторопливо раскладывала вещи, не переставая болтать. – А через месяц-два вдруг выяснилось, что оно не прекращает расти ни на минуту, угрожая превратить дом в джунгли. Ей пришлось уничтожить все цветы, кроме одного, который она и подарила вашему отцу, который заинтересовался этим строптивцем. По ее совету он поместил его в эту комнату, поскольку цветок не любит сырости и темноты и растет в таких условиях гораздо медленнее. Пока дом стоял без хозяев, за растением приглядывал соседский садовник.

Впечатлившись услышанным, Магдалина взяла ножницы и тут же обкромсала половину побегов. Стебли она убрала, а благоухающие голубые лепестки бросила прямо в ванну.

Покончив с этим, Магда принялась разбирать свой гардероб, представленный восемью платьями небесного оттенка. Она была отличной швеей и мастерила наряды сама. Все любимые ее одеяния были безукоризненно голубыми, просто без единой ленточки или пуговицы постороннего цвета. Другие цвета девушка игнорировала, зато могла различать тончайшие переливы бирюзы и знала, что плащ Мадонны на полтона темнее незабудки.

Что касается Александры, то она осваивалась в спальне Петра Васильевича. Ни одного предмета обстановки младшая Гадалова поменять не пожелала, оставив все, как при отце: карту с сонными ландшафтами почти на всю стену, тигровую шкуру на кровати и двух каменных Будд по обе стороны от выхода, устало приподнимавших веки в знак приветствия, когда в комнате кто-то появлялся.

Обходя спальню, Александра внимательно разглядывала каждую вещь, стараясь не упустить ни одной детали: лавандового цвета полог, увядшие растения в кадках, письменный прибор из яшмы, в котором пыль нашла себе надежное пристанище.

Затем девушка извлекла из сундука коробку, наполненную семейными фотографиями, выбрала одну, изображавшую все семейство – отца, мать, давно умершую от чахотки, брата

в возрасте пятнадцати лет и ее саму в полупрозрачном кружевном полотне, с кривоногой собачонкой на руках, – и просунула верхний край снимка под раму сонной карты.

Все это стало прошлым, привычный мир развалился, как песчаная башня, и теперь под новой кровлей разместились четыре совершенно непохожие женщины – по сути, это были два лагеря, не слишком расположенных друг к другу. На одной чаше весов оказались наследница богатств и хранительница тайн и ее двоюродная сестра, не то блаженная, не то сумасшедшая, – в сложном ореоле из звуков, сопровождавших ее повсюду, в котором слились воедино стрекотание швейной машинки, песенка «Каде Русель» и стук балетных туфель по паркету; на другой – прагматичная женщина, преисполненная честолюбивых замыслов и трепета за свое единственное чадо, смотревшееся более чем невзрачно на фоне старших сестер.

Постаравшись отогнать от себя беспокойные мысли, словно назойливых мух, Александра пригладила разметавшиеся локоны щеткой, слегка оживила румянами бледные щеки и спустилась вниз к чаю.

Столовая – небольшая полукруглая комната – приняла гостей во всем блеске. Окна здесь выходили сразу на восток и запад, так что краски рассвета и заката являлись неизменным украшением трапез. Толстые сиреневые ковры на полу, большая мозаика на стене с архангелом Михаилом, сразившим змея, дергающегося в предсмертных конвульсиях, и вышитые гобелены, которые уже успела развешать расторопная горничная, – все казалось весьма изысканным и, к облегчению хозяек, вполне обыденным – они немного устали за день от обрушившегося на них шквала чудес.

Госпожа Патронесса сама разлила по чашкам травяной чай: горничной разрешили не прислуживать за столом, и без того у нее было дел невпроворот.

– Мне этот дом определенно по душе, – заметила Марья Клементьевна. – Не такие хоромы, как в К., зато огромный сад. Завтра будем его осматривать и внесем коррективы в планировку. Да, вот еще: в понедельник у нас уже будут гости. Я пригласила на ужин ближайшего соседа.

– Что за человек? – осведомилась Александра, подкладывая Магде на тарелку побольше салата.

– Господин Реутов, староста нашей улицы, – ответила тетка. – Он должен приятно оживить наше дамское общество.

Дальнейшие разговоры касались обстановки комнат, новой мебели, фортепиано, которое должны были привезти в дом через неделю, а также чердака, оставшегося в первый день неисследованным. Гадалов иногда спасался на нем от жары, поэтому не исключено, что там остались какие-то его личные вещи. Затем перешли к планам на ближайшие дни: необходимо было познакомиться с этим удивительным городом. Александра собиралась обследовать его до самого последнего закоулка: отец говорил ей, что Ялutorовск – шкатулка со множеством секретов, а она, к сожалению, при жизни Петра Васильевича не приложила усилий узнать его получше, ограничившись лишь хаотичными прогулками по центру.

2

Чердак не обманул ожиданий – сестры нашли на нем немало интересных вещей: Магдалина, например, обнаружила отличную жердь, из которой впоследствии с помощью садовника смастерила балетный станок. Александре достались коробка восхитительных миндальных отрубей для купания, пригоршня старинных монгольских украшений и небольшая книжица с непонятной надписью «Паспорт желтой незабудки».

Ревизию провели рано утром, когда госпожа Патронесса еще спала, горничная хлопала на заднем дворе коврики, кухарка изобретала завтрак, а Павлина валялась в постели с книжкой и коробкой зефира, не подозревая, чем заняты сестры. Находки подняли им настроение, особенно визитка, на которой значилось: «И. Д. Погорелов. Прямые поставки райских груш и яблок для вашего стола».

За обедом, не без иронии обозрев все эти скромные трофеи, Марья Клементьевна невзначай осведомилась у Александры, не знает ли она, кто приезжает в Ялуторовск в середине следующей недели.

– Неужели Лотар? – несмело спросила та, машинально вертя меж пальцев серебряную кофейную ложечку.

– Именно, – подтвердила тетка и добавила: – У тебя найдется платье повеселее?..

Лотар Бергман был женихом Александры. Его отец держал в К. крупную контору, торгующую мехами, и являлся весьма преуспевающим дельцом. Магазин немецкого семейства был своего рода форпостом меховой моды, оплотом богатых щеголих. В него специально приезжали даже из Е-йска, потому что там невозможно было приобрести такую же «интересную» и роскошную шубу, как у Бергмана. Занимался он и экспортом пушного товара, работал, что называется, на износ, и нажил изрядный капиталец, позволивший содержать великолепный дом и целый букет не самых порядочных женщин, пока его жена почти безвылазно пропадала за границей.

Дом Бергманов в К. стоял неподалеку от гадаловского, и между семьями издавна водилось тесное знакомство. У чадолюбивых немцев было много сыновей, среди которых Лотар выделялся замкнутостью характера и непрактичностью – как раз под стать Александре. Отец считал его несколько бестолковым, но, услышав, что он хочет жениться на дочери Петра Васильевича, безоговорочно эту мысль одобрил.

Со своей стороны Гадалов поставил неперемное условие: до замужества его дочь должна была хотя бы два года проучиться в гимназии в Ялуторовске. Это обстоятельство вызвало у всех легкое недоумение, особенно у Бергманов, но спорить никто не осмелился.

После смерти отца Александра не стала нарушать данное ему слово и отправилась в Ялуторовск.

До учебы оставалось чуть больше месяца, и поэтому Лотар был приглашен провести со своими будущими родственниками остаток лета. Точная дата приезда, правда, не оговаривалась, потому что отец просил помочь ему в торговых делах.

Получив сообщение, что он прибудет в ближайшую среду утром, Марья Клементьевна тут же распорядилась убрать из восточного флигеля старую развалившуюся мебель, нашпиговать его ковриками, подушками, коврами и бальзаминами, и велела кухарке включить в меню рыбу под лимонным соусом, столь любимую Лотаром.

– Так что с платьем? – повторила она свой вопрос племяннице. Ее раздражало это пристрастие к черному. Срок траура давно прошел, а Александра все еще ходила в нарядах оттенка «Каирские ночи» и «Танец мулатки». Как бы ни изощрялись приказчики модных магазинов в названиях, черный оставался черным, с весьма небольшим количеством полутонов. Из непонятного упрямства Александра выбросила все прежние наряды более жизнерадостной палитры

и превратилась в большое чернильное пятно. «Госпожа Клякса», – называла ее про себя недоброжелательная Павлина.

Однако, узнав о приезде Лотара, Александра немного поразмыслила и вспомнила о коричневом платье с розовой отделкой, каким-то образом уцелевшем после цветовой революции в ее гардеробе.

– Совсем другой коленкор, – пробурчала Марья Клементьевна. – А тебя, – обратилась она к Магдалине, – очень прошу: никаких босоногих вылазок. Иначе что он о тебе может подумать?

Александру покорила ее приказной тон. Хозяйка в доме все-таки она, а не госпожа Патронесса. Если ей удалось занять здесь высокий пост, это совсем не означает, что в семье она может позволять себе командирские интонации. Впрочем, в такой приятный июльский вечер ругаться с кем бы то ни было ей не хотелось, и она вдруг предложила:

– А не вынести ли нам на воздух ломберный столик?

Горничная побежала ставить самовар, чтобы у господ была возможность испить жасминового чаю на природе. Через полчаса все уже тесным кружком сидели возле стола и резались в винт, заодно поглощая медовое печенье и мечтая о будущих счастливых днях под крышей славного дома с мраморной отделкой.

На следующий вечер их общество оживил приятный юноша – тот самый Антон Реутов, на редкость разговорчивый и дружелюбный малый.

Поскольку это был первый гость в их новом доме, девушки принарядились, даже Александра освежила свои черные шелка переливчатой брошью. Что касается Магдалины, то она и вовсе сияла, разукрасив волосы цветами из сада и гребнем из слоновой кости. Правда, через пять минут после начала ужина госпожа Патронесса не без ужаса отметила, что на дорогой племяннице нет абсолютно никакой обуви. Чулки также отсутствовали. Видимо, у девушки опять начался приступ слабоумия. Если бы не гость, Магда была бы немедленно выдворена из-за стола, но ради сохранения приличий перед посторонними Марья Клементьевна была вынуждена сдержаться.

– Между прочим, когда придет Лотар, не отправиться ли нам всем вместе в лес, за перьями ангелов? Здесь это летнее развлечение никогда не выходит из моды, – вдруг услышала госпожа Патронесса слова Реутова. Из-за босых ног племянницы она потеряла нить разговора и была немало озадачена этим странным предложением.

– За чем? – в свою очередь поперхнулась от неожиданности Магдалина.

– За перьями серафимов, – невозмутимым голосом повторил Реутов. – Когда-то здесь было полным-полно ангелов. Они строили наш город, пока не произошел один неприятный инцидент, о котором до сих пор нет внятных сведений. С тех пор ангелы нас покинули. Однако в лесу, на тайных тропинках, где они прогуливались ночью, отдыхая от человеческого общества, можно найти их перья, выпавшие из тонких серебряных крыл. Перышки эти совершенно удивительные – светятся в темноте.

– И много ли таких перьев было найдено? – с недоверчивым интересом спросила Павлина.

– Несколько десятков. Кое-когда они появляются в лавке нашего ювелира. Впрочем, это бывает крайне редко, и приезжие их сразу же раскупают. Кому не захочется украсить ими свою шляпу или письменный прибор? Выписывать счета или чиркать любовные послания пером серафима – за это удовольствие люди согласны выложить приличные деньги.

– Не хотите ли грушевого пирога? – не к месту вставила госпожа Патронесса. Эти рассказы про ангелов начинали ее сердить. Она и так чувствовала неловкость из-за босых ног Магдалины, все беспокоясь, не заметит ли их гость. Племянницу же это ничуть не волновало – девушка внимательно слушала Реутова, не забывая подкладывать ему еду на тарелку. Когда настало время десерта, она даже вызвалась сходить на кухню помочь стряпухе.

От этого предложения госпожа Патронесса слегка подпрыгнула и прошипела Магде угрожающее «нет». Еще не хватало опозорить их благородное семейство столь нелепым видом!

В этот момент Марья Клементьевна сильно пожалела о своей мягкости – не следовало брать с собой эту полоумную девицу, не знавшую рамок и ограничений. Да, она неплохо готовила и рисовала, но ведь никто ей не давал права самовольно иллюстрировать книги из библиотеки! Неясную угрозу также таила в себе карта мира, исчерченная красными и черными крестами, – Магдалина никогда не вывешивала ее на стену, пряча в шкафу. Ко всему этому нужно еще добавить побег из дому, купания в лунной дорожке и грубое вмешательство в интерьер жилища, после которого в неожиданных местах домашние находили изображения лотов и малиновок, смотревшихся как живые.

– Так когда нам ждать приема в честь вступления в должность? – снова задал неудобный вопрос Реутов. Марья Клементьевна удивленно подняла брови: еще не были окончены все хлопоты по переезду, в К. своей переправки в Ялуторовск ожидали фортепьяно, садовый инвентарь и мебель для прислуги; не все ковры были расстелены, не все шторы развешаны, и, самое главное, госпожа Патронесса, равно как и ее подопечные, пока не имела никакого представления о местном обществе, чтобы устраивать какой бы то ни было прием.

Когда все эти соображения облекли в деликатную форму и изложили молодому старосте, он обещал приложить максимальные усилия для скорейшей адаптации прекрасного семейства в Ялуторовске.

– Горожанам просто не терпится с вами познакомиться – им хочется получше узнать родственников покойного Патрона. – Выдержав траурную паузу после этой реплики, Реутов продолжил, адресуясь на этот раз к Александре:

– Петр Васильевич вел довольно замкнутый образ жизни, не слишком любил приглашать людей в дом, поэтому вашей задачей будет поднять гостеприимный престиж фамилии Гадаловых. Если, конечно, у вас есть на то желание.

– Не сомневайтесь, мы этим займемся, – отозвалась госпожа Патронесса. – Вот только дом и сад немного приведем в порядок, и тогда – милости просим всех дорогих гостей в наши объятия!..

Через несколько дней приехал Лотар. Как выяснилось, он бывал в этом городе не один раз – привозил меха в Пассаж на центральной площади.

– Городок первый сорт, – так отрекомендовал он Ялуторовск сестрам. – Но вы, конечно, дальше ближайшей лавки еще не ходили?

Девушки признались, что заботы по обустройству нового гнезда так всех закрутили-завертели, что не было ну никакой возможности... Правда, сосед обещал им, но пока...

– Ясно, – прервал их Бергман. – Беру все хлопоты на себя, а вы отправляйтесь завтра на прогулку. Начните с главной площади – там множество магазинов, которые вызовут у вас острейший интерес. В сад при гимназии можно попасть только по особому пригластительному, его пока у вас нет. Я тут заскочил к Реутову, он сказал, чтобы его выписать, необходимо лично встретиться с сестрой Прагой, директрисой женской гимназии, но она сейчас в отъезде.

Александра даже раздумялась в тон кружевам от удовольствия – ей нравилось, что Лотар здесь свой человек и все знает. Ее жених с подлинно немецкой невозмутимостью плыл в этом море странностей и чудес.

Если для молодежи главным делом были развлечения, то для госпожи Патронессы настало время потрудиться во благо ангельского отечества.

В четверг утром, убедившись, что Бергман разместился во флигеле с комфортом, Марья Клементьевна отправилась в градоправление – принять свои полномочия. Видение ею новой должности было довольно смутное, города она совсем не знала, и уж тем более не имела представления о его обитателях. Население Ялуторовска в ту пору составляло от силы пять тысяч человек, включая грудных младенцев, так что практически все были друг с другом знакомы –

во всяком случае, на своей улице уж точно. Город, однако, не оставлял впечатления скудости людских ресурсов – прежде всего из-за большого количества паломников, которые приезжали сюда из соседних губерний и даже из столицы. Для них были выстроены восемь вместительных гостиниц, и уже задумывались о девятой, но смерть Патрона помешала приступить к ее сооружению. Теперь же, по приезде нового представителя семьи Гадаловых, прежний проект был вновь вынесен на обсуждение.

Помимо этого, требовалось решить проблему иллюминации улицы Оскорбленных, наводившую панику на фонарщиков – они сбегали со своего поста через месяц-другой; нужно было также изучить план по строительству фонтана в городском саду и ознакомиться с личными характеристиками новых учеников мужской гимназии. Дел было хоть отбавляй, и Марья Клементьевна поначалу ощутила легкий приступ ужаса, увидев внушительную стопку документов, подготовленную для нее начальниками различных отделов градоправления. Впрочем, к обеду первые страхи уже немного улеглись, бумаги были рассортированы по тематике, и она сосредоточила свое внимание на людях, которые с этого дня стали ее сослуживцами. Все они показались ей нелепыми: одни страдали рассеянностью или излишней патетикой в разговоре, другие вообще несли что-то невнятное, пересыпанное философскими и религиозными терминами.

Однако, когда госпоже Патронессе представили членов секретариата, она пришла к выводу, что все странности до этого момента были лишь цветочками.

Секретарями здесь служили пятнадцать ангелов-серафимов, настолько маленьких, что Магдалинина корзинка для рукоделия каждому из них могла бы быть вместительной квартирой. Госпожа Патронесса, в душе всегда склонявшаяся в пользу неверия и материализма, никогда до этого не встречала ангелов, не говоря уже об ангелах-лилипутах; эти существа, правду сказать, смущали даже выдавших виды жителей Ялуторовска. Тем не менее, будучи до крайности сдержанной дамой, Марья Клементьевна не обнаружила никаких эмоций, когда начальник отдела финансов начал представлять ей крылатый секретариат. Женщина подала каждому из серафимов мизинец, изо всех сил стараясь не ухмыляться. Ей было непонятно, почему с таким почтением относятся здесь к этой пернатой мелюзге и неужели нельзя нанять приличных секретарей вместо этого цыплячьего выводка. Марья Клементьевна не знала, что ее размышления стали незамедлительно известны ангелам, для которых человеческие мысли были как открытая книга: она ведь почти не верила в высшие силы и весьма туманно представляла их возможности.

Ангелы выполняли свою секретарскую работу, сидя на крохотных скамейках за миниатюрными столиками: эта кукольная мебель была заказана специально для них в игрушечном магазине купца Калиновского. Данный уровень комфорта, разумеется, был достигнут не в одночасье: поначалу столом им служила какая-нибудь толстая книга, стульями – перевернутые кофейные чашки, а перьями – зубочистки с металлическими наконечниками. Эти убогие времена остались далеко позади, и теперь у ангелов все было настоящее, все первого класса, как и положено. Серафимы были незаменимы в канцелярской работе, потому что писали в полтора раза быстрее, чем люди, а стенографировали и вовсе молниеносно – не успевал говорящий начать фразу, как они уже записывали ее конец, поскольку, как уже отмечалось, читать мысли не составляло для них труда.

Жили ангелы в гостинице купца Федянова на улице Св. Екатерины, за два дома от часовни. Они снимали небольшой, но уютный номер, не имевший особого спроса, так как его окна выходили на улицу Оскорбленных. В уплату за жилье один из серафимов отдавал свое жалованье за месяц; таким образом, у них оставалось еще четырнадцать заработков, которые они частично откладывали в банк, а остаток, как и положено небесным созданиям, тратили на нужды церкви и благотворительность. Питание и прочие потребности покрывали весьма несущественные суммы, так как ангелы едят крайне мало, да и то скорее из вежливости перед людьми – обед им подавали прямо в конторе, причем вся еда умещалась на трех чайных блюд-

цах. На извозчика и вовсе тратиться не приходилось – ведь у них были крылья, при помощи которых они довольно быстро перемещались в пределах Ялуторовска. Правда, для значительных расстояний они все же пользовались услугами железной дороги, но и тут выходила приличная экономия – даже для всех пятнадцати более одного места не требовалось. Хотя полным составом они никуда не ездили, опасаясь нервировать пассажиров: два-три ангела уже приводили тех в замешательство, а целой оравы порхающих по вагону крылатых существ никто, начиная с кондуктора, не выдержал бы.

Ангелы знали все языки на свете и могли дать консультацию по любому сложному теологическому вопросу: откуда, например, дети Адама взяли себе жен или где находится земля Уц, родина многострадального Иова. Имея огромные познания и внушительную эрудицию, они в то же время чем-то походили на маленьких детей – любили играть, могли, например, после обеда целый час катать по столу апельсин, словно мяч, или строить домики из игральных карт. Они были очень просты в общении, безотказно выполняли любую просьбу, прекрасно ладили с детьми и домашними животными – кроме кошек, не отличавших их от воробьев и норовивших сцапать.

Несмотря на свои самые лучшие качества, им так и не удалось завоевать симпатию госпожи Патронессы. Она почему-то почувствовала к малюткам-серафимам неприязнь, поскольку считала, что этим микроскопическим созданиям не место в приличном учреждении, и не могла взять в толк, почему все остальные так к ним благорасположены. Марья Клементьевна не сразу разглядела, что среди них есть существа как мужского, так и женского пола, – поначалу они все показались ей одинаковыми: светлоголовые, в белых рубашонках, без растительности на лице. Потом она заметила, что некоторые из ангелов носят бусы и даже крохотные сережки, – бог знает, откуда они их взяли.

Говоря по правде, глазеть по сторонам особо времени не было. Совершенно внезапно на нее свалили целый ворох дел, а она-то думала, что первая неделя уйдет только на знакомства и на визиты!

После обеда госпожа Патронесса уже четко усвоила, что большое жалование она будет получать не за формальное руководство городом, как легкомысленно представлялось ей в К., а за серьезный и утомительный труд. Оставалось единственное утешение: на службу можно было являться только четыре дня в неделю. Петр Гадалов работал и по шесть, однако, видя ее ошеломленное состояние, об этом милосердно умолчали.

Еще одна вещь неожиданно ее уязвила: она думала, что лицо, осуществляющее патронаж, должно влачить за собой шлейф всеобщего благоговения и почитания. Ничего этого не было и в помине. Градоправление представляло собой не иерархию, а некий слаженный механизм, вроде повозки, в которой нет второстепенных или главных деталей – все они взаимосвязаны и в равной мере отвечают за гладкую езду.

В то время как госпожа Патронесса осваивалась с новыми обстоятельствами своей жизни, в сквер Несокрушимого Счастья, занимавший восточную часть центральной площади, со стороны улицы Св. Маргариты Антиохийской вышли три молодые дамы, разряженные по последней моде – бирюзовый шелк, кофейный атлас, розовая кисея с расшивкой, – совершая свой первый променад в этом городе. Барышень сопровождал Реутов.

Центральная площадь не была площадью в полном смысле этого слова. Она представляла собой довольно обширное пространство, в середине которого расположились храм Огненных Серафимов, сад и гимназия со всеми пристройками. Четыре прямоугольника по периметру сада именовались скверами и были щедро украшены фонтанами и пышной растительностью.

В сквере, с трех сторон окруженном всевозможными лавками, магазинами, пассажирами и чайными, стояла большая статуя ангела с изящно изогнутыми крыльями, достававшими почти до земли. В руках серафим держал мраморный рог изобилия, изливавший в круглый

бассейн пенистые струи воды. Вокруг разместились деревянные скамьи, на маленьких клумбах цвел львиный зев в гармоничном братстве с мышинным горошком.

Реутов, показывая тростью на роскошную витрину под вывеской «Венский шик», уведомил Александру, что хозяин этого магазина, купец Снежинский, желает посетить госпожу Гадалову по одному очень важному делу в удобное для нее время. Подробностей Тони не знал, но речь, кажется, шла о финансировании какого-то значительного проекта. Его, как старосту улицы, попросили быть посредником. Александра сказала, что Снежинский может явиться к ним завтра на ужин в семь часов. Заодно они зашли в его торговое заведение, найдя там множество восхитительных предметов. Павлине особенно приглянулись дамские серебряные часы с цветным изображением пухлого херувима.

– В Ялutorовске у всех почти такие, – заметил Тони. – Тут он продемонстрировал дамам собственный золотой брегет, на крышке которого архангел деловито нес куда-то огромную рыбину. Девицы ахнули от восторга.

– Ангелы основали этот город – отсюда столько к ним почтения и интереса, – пояснил Реутов.

– Но это же просто легенда, – вмешалась в разговор Павлина. Она по-прежнему не желала верить в этот крылатый фольклор. Тони посмотрел на нее с неудовольствием: ему явно не понравился ее пренебрежительный тон.

– Нет, это чистая правда, – сухо ответил он, – такая же чистая, как бриллиант в кольце у Александры. Вы еще их увидите, – добавил он уже мягче, открывая перед дамами двери, чтобы выпустить их в солнечный простор июльского дня.

– Мы увидим ангелов? – растерянно пробормотала дочь Петра Васильевича.

– Ну да, – невозмутимо подтвердил Реутов. – Маменька Павлины уже с ними познакомилась. Они, так сказать, ее коллеги по управлению нашим городом. Впрочем, продолжим экскурсию, сиятельные леди, – сказал юноша, выдержав паузу. – Я считаю своим долгом показать вам все места, где вы можете развлечься и приятно провести время. Вот, например, наше общественное собрание. – Он махнул в сторону зеленого дома со множеством украшений в виде мраморных ваз на балюстраде и погруженных в печальные размышления маскаронов. – Членские взносы, признаться, довольно высоки, зато что вы получаете взамен! Кружок игры на арфах, например. Нотные тетради – наследство серафимов, да-да. Глядя на ваши элегантные пальцы, госпожа Магдалина, я убежден, что у вас есть все задатки превращения в прекрасную арфистку...

Обогнув здание с южной стороны, они очутились в просторном дворе, где располагались площадка для тенниса и велосипедный трек – новшество, которое во всех Восточных землях было только в Т., и, как выяснилось теперь, еще и в Ялutorовске. На дорожке катались четыре велосипедиста.

– А где тут можно искупаться? – вдруг спросила Павлина. – Я пока никакого водоема здесь не увидела.

– Есть река на самой окраине, – ответила вместо Реутова девушка на велосипеде, подъезжая поближе. Это была Анна – приемная дочь талантливой садовницы, взрастившей неугомонный голубой вьюн.

– Там есть общественные купальни. Озеро большое у нас тоже имеется, но до него час добираться на лошадях.

– Кстати, о лошадях, – оживился Реутов. – Александра Петровна, у вас, я слышал, отличный скаковой жеребец?

– Да, Изумруд. А почему вы спрашиваете?

– Потому что летом у нас в конце каждого месяца проводятся призовые скачки. Осталась неделя, и списки уже составлены, но я могу похлопотать, чтобы вашего красавца включили, – сказал Тони.

Мило беседуя о скакунах, они вошли внутрь. Узнав, что Реутов ведет дам в буфет, Анна присоединилась к ним. Это было как нельзя кстати, поскольку завтракали Гадаловы давно, и никакой перспективы обеда до сих пор не просматривалось. Анна отдала распоряжение службе, и через несколько минут он уставил стол, за которым разместились все экскурсанты, различными блюдами, довольно легкими, но аппетитными. Здесь были зеленый салат, пряженцы, снежки из творога с курагой и вафли. Чая подали два на выбор: цветочный и затуран. Последний представлял собой смесь из заварки, соли, молока и обжаренной муки. Девушки приняли его с нескрываемым восхищением.

– У нас дома никогда его не подавали, считали плебейским кушаньем, – сказала Магдалина, осторожно прихлебывая эту смесь.

– А у нас все его пьют: и плебеи, и корифеи, – масляным голосом проворковал Реутов. Он успел изрядно проголодаться, а утомился даже больше прочих, потому что его усталость была умножена на волнение по поводу того, понравился ли Гадаловым город.

– Что это за здание с часами? – поинтересовалась Александра, разглядывая сквозь зеленые перья фикусов большой кирпичный особняк на противоположной стороне сквера.

– Это городской суд, – охотно объяснил ей Тони. – Еще одно чудесное место, чтобы потешить душу... Это у нас главный конкурент театра – на некоторые заседания от публики отбою нет.

Магдалина от удивления поперхнулась затураном.

– Что же веселого – смотреть, как выносят приговор какому-нибудь бедняге? У меня лично такие забавы одобрения не вызывают.

– Ну, если вы думаете, что у нас судят каких-нибудь матерых преступников, вы ошибаетесь. За все время существования города убийств здесь не было; кражи имели место, но только по мелочам. Да и то в них всегда одно и то же лицо замешано – это наш ювелир Бестемьянов. Об этом все знают, и судиться с ним никому нет резона. Но прокурор Звягинцев устраивает такие процессы – пальчики оближешь! – Реутов на минуту задумался о чем-то, иронически улыбаясь. – Одиннадцать лет назад, например, – продолжил он, попутно подливая себе сливок, – им был выигран знаменитый процесс над Зимой.

– Это фамилия – Зима? – простодушно осведомилась Александра.

– Нет, это та зима, которая заставляет вас одеваться в шубы и справлять святки. У Звягинцева была к ней единственная, но большая претензия: полное небрежение к срокам своего пребывания. Он вызвал Зиму в суд – случай, согласитесь, беспрецедентный. Никто не думал, что ее можно поставить на место, но вот Звягинцев, представьте, догадался. О, это был замечательный процесс... Аня, ты должна его помнить, хотя и была еще совсем крошкой. Маменька тебя на него таскала.

– Конечно помню, – живо откликнулась Анна. – Звягинцев свирепо размахивал перед Зимой календарем и чуть ли не кричал: «Почему вы приходите в октябре, это ведь территория осени, и уходите в апреле, это уже весеннее время?!» Надо сказать, что даже адвокаты не питали к своей подзащитной никаких симпатий, и поэтому ей пришлось туго.

Она пыталась пустить в ход разные нечестные штучки – к примеру, нагнала холоду в помещение, в надежде, что все замерзнут и разойдутся по домам. Действительно, на какую-то пару минут зал почти опустел, и Звягинцев уже начал было падать духом, но тут публика стала возвращаться: люди просто ходили в гардероб за одеждой потеплее. Зима усилила атаку, мороз закрепчал, но упрямый прокурор, клацая зубами, продолжал свою яростную обвинительную речь. Все одобрительно кивали, слушая его. В итоге Зиме было строжайше предписано появляться не раньше первого декабря и уходить не позже двадцать восьмого февраля в обычные годы и двадцать девятого в високосные.

Зима, конечно, обиделась. Она удалилась, не проронив ни слова, только ледяные каблукы громко стучали по полу. Когда настал черед расходиться по домам, обнаружилось, что все

выходы из здания суда чуть ли не под козырек завалены снегом. Пришлось нескольким добровольцам прыгать в сугробы из окон второго этажа, вызывать дворников и расчищать заносы. Мы добрались до дома только к полуночи. Но с тех пор холодный сезон укладывается ровно в три месяца. У вас будет возможность в этом убедиться, – заключила девушка.

– А что же, на К. решение вашего суда не распространяется? – неожиданно поинтересовалась Магдалина.

– Увы, нет, моя сиятельная госпожа, только на наш город. Это ведь совершенно особая местность, – ответил Реутов, слегка подмигивая.

– Вне сомнений, – отозвалась Магда серьезным тоном. Остальные сестры молчали, находясь под впечатлением от рассказа.

Немного посидев в тишине и осушив все чашки с экзотическим чаем, дамы почувствовали, что уже пора на свежий воздух.

Анна радушно проводила их до дверей.

– Приходите играть в лаун-теннис! – крикнула она на прощанье.

До вечера оставалось совсем мало времени, поэтому наша компания пустилась в обход сквера, разглядывая то, что еще не успела рассмотреть. Вдруг старшая Гадалова воскликнула:

– Смотрите, фотографическая мастерская! А не сделать ли нам снимок? Такой чудесный день должен иметь документальное подтверждение для нетвердой человеческой памяти.

– Боюсь, леди, вам это не удастся, – мягким тоном сказал ей Реутов. – Вы можете сделать прекрасные снимки в другой мастерской – в сквере Свободы, у Игнатьева. К Адамсу без особого приглашения не попадете.

– Где же его взять? – недоуменно спросила Александра.

– Ну, конкретно вы можете получить его в нашей гимназии, когда пойдете туда учиться, – пояснил Тони. Девушки посмотрели на него жалобно, как овечки, ведомые на стрижку: они окончательно перестали что-либо понимать.

– В первый раз слышу про разрешение на какую-то паршивую фотографию! – мрачно сказала Павлина, в сердцах употребив неподобающее слово.

Пора было возвращаться в семейное гнездо.

Дома их ждали Лотар и госпожа Патронесса (последняя не в самом радостном расположении духа). Зато Бергман чувствовал себя превосходно: к приходу сестер по его указаниям был приготовлен хороший ужин с пирогом-блинником и истоплена баня.

– Не так уж тут и плохо, – пробормотала Павлина, с румяным, распаренным лицом входя в гостиную. Александра и Магдалина уже сидели здесь, демонстрируя будущему родственнику разные мелочи из «Венского шика». Среди них, например, были небольшой эмалевый слон, чей хобот предназначался для нанизывания колец, и бархатная лента, менявшая цвет в зависимости от освещения, и французская серебряная пудра для волос. Лотар восторженно охал и ахал, про себя от души забавляясь над тем, какими пустяками прельщаются женщины.

3

Знакомство с ангелами остальных членов семьи прошло почти безболезненно. Это случилось во время визита в особняк Гадаловых купца Снежинского. Он, не предупредив хозяев, явился не один, а в сопровождении трех крылатых существ, повергнувших половину дома в состояние тихого ужаса. В том не имелось злого умысла со стороны гостя: для него ангелы были вполне привычным явлением – всего лишь секретарями финансового отдела градоправления, который уполномочил его просить Александру оказать содействие при строительстве первого городского электрического театра. Жители К. давно уже пользовались этим благом цивилизации. Разумеется, Ялуторовск не хотел плестись в хвосте прогресса. Вопрос о кинотеатре начал рассматриваться несколько лет назад, но неожиданная смерть Патрона заморозила все планы.

Теперь на дочь Гадалова были возложены определенные финансовые надежды. Снежинский болел этой идеей, но мог выделить из своих средств только треть необходимой суммы. После полуторачасовой беседы Александра предварительно одобрила проект, однако сказала, что все-таки считает нужным сначала посоветоваться с братом, поскольку сама довольно слабо в этом разбирается.

Ангелы-секретари продемонстрировали семейству Гадаловых схему, где новое здание примыкало к театру на улице Св. Франциска Ассизского, а глухой стороной выходило на улицу Оскорбленных.

Во все эти детали, впрочем, кроме Лотара и Снежинского, никто толком не вникал: дамы, постаравшись в интересах приличия придать себе более или менее равнодушный вид, разглядывали крылатых гостей с огромным любопытством. Павлина, рассмотрев ангелов, как ни странно, успокоилась: ее представлениям о посланцах небес эти создания совершенно не соответствовали. «Из-за этих-то гномов столько шума? – подумала она, презрительно разглядывая их скромную одежку. – Тоже мне, серафимы! У одного ботинок каши просит. Разве настоящие ангелы могут ходить как оборванцы?»

Обувь у крылатого секретариата действительно была не в лучшем состоянии, но не по причине отсутствия средств и уж тем более не из-за аскетизма, – просто Калиновский, лично обшивавший всю ангельскую братию, уже несколько месяцев серьезно болел. Кроме него, никто в городе не мог сработать носильные вещи для серафимов. Сами себе ангелы тоже ничего сшить не могли, потому что неоткуда было взять столь крошечных иголок, подходящих по размеру к их миниатюрным пальцам.

Посланцы небес отчетливо почувствовали антипатию, исходившую от Павлины, – ощущение напоминало легкие булавочные уколы, отчего они поневоле вздрогнули, поскольку уже второй раз столкнулись с откровенной неприязнью. В Ялуторовске ничего, кроме любви и восхищения, они до этого момента ни у кого не вызвали. Это открытие их несколько огорчило; ангелы многозначительно переглянулись, но вслух, будучи идеально воспитаны, неудовольствия не высказали.

Остальной части компании серафимы, напротив, пришлось очень даже по душе, и каждый постарался проявить к ним максимальное внимание. Когда закончилось обсуждение деловых моментов и все переключилось на ужин, Александра принесла для крылатых гостей маленькую подушечку, чтобы они смогли разместиться поудобнее, и чай в наперстках, а Магдалина разломала вафли и печенье до приемлемых размеров.

Пока ангелы ели, Магда, с замирающим от любопытства сердцем, спросила, водят ли они знакомство с кем-либо из святых. При этом вопросе серафимы необычайно оживились и начали наперебой рассказывать удивительные вещи, от которых пошла бы кругом самая трезвая голова. Оказалось, что именно их отряд стоял у истоков ордена бенедиктинцев, в частности, его женской ветви, будучи коллективным наставником сестры Бенедикта Нурсийского, св.

Схоластики. После разрушения Монте-Кассино, правда, их перебросили в Византию – разбираться в дебрях монофелитской ереси. Когда бенедиктинцы хлынули в Польшу, ангелы снова вернулись к ним, и по сей день они являются членами попечительского совета, покровительствующего делам ордена. Многие в городе называют их ангелы Схоластики – такое уж закрепилось за ними наименование. Один из серафимов, помимо прочего, входил в комиссию, подготовившую создание культа Священного Сердца Иисуса, и лично сотрудничал с Маргаритой Алякок.

От этих сведений Магдалина пришла в восторг: еще бы – перед ней сидели свидетели легендарных событий, о которых она столько читала! Однако ангелы затронули в своем повествовании только новую эру, а ей хотелось копнуть поглубже, и она уже собралась спросить у них, к каким чудесам Ветхого Завета они были причастны, как вдруг госпожа Патронесса со всей силы пихнула ее коленкой под столом, благо они сидели рядом. Ей не понравилось, что старшая племянница начала доминировать в разговоре. Александра – еще куда ни шло, но эта горбатая приживалка должна знать свое место и не утомлять гостей разговорами о каких-то святых, неизвестно когда живших и живших ли вообще.

Магдалина обиженно замолчала, ей на смену пришла средняя сестра. В теологии она разбиралась слабо – ее больше интересовали вопросы практического характера. Где, например, ангелы берут такие крохотные пуговицы для своей одежды? Есть ли у них паспорта? Если есть, то какие у них фамилии?

У одного из серафимов паспорт был с собой, и он охотно показал хозяевам книжицу размером меньше спичечного коробка.

– Нам долго не хотели их выписывать, – пояснил он. – Мы подключили чуть ли не половину штата тогдашнего градоправления – уговоры, тайные связи, – и где-то через несколько лет нас все-таки признали гражданами. А фамилий у нас никаких нет, как и национальности. Мы ведь бывали во всех странах и говорим на любых языках.

Пока велась беседа, абсолютно всех членов семьи одолевал вопрос: почему ангелы столь маленького роста? Конечно, посланцы небес встречаются всякие, но об ангелах размером с ладошку никто из Гадаловых никогда не слышал. Более того, Магдалина перерыла на досуге все справочники по данной тематике, но и там не нашла никакого вразумительного объяснения этому крылатому феномену. Спросить напрямую мешала вежливость. Интуитивно все, даже не особенно деликатная Павлина, понимали, что эту тему лучше не затрагивать в разговоре.

На прощание Александра вручила серафимам пригласительный билет на торжественный прием, который Гадаловы устраивали в ближайшую субботу. Ангелы горячо поблагодарили и, подхватив его с трех сторон, выпорхнули в раскрытое окно, провожаемые восхищенными взглядами старших сестер.

На грандиозный танцевальный вечер было приглашено не менее пятидесяти персон, представлявших собой цвет местного общества, – список ключевых фигур помог составить Реутов. Госпожа Патронесса, нужно отдать ей должное, приготовила праздник на славу. Марье Клементьевне хотелось всем угодить, поэтому она приложила невероятные усилия, чтобы вечеринка стала незабываемой.

Действительно, приемов подобного уровня Ялуторовск не видал уже давно. Для праздника был испечен огромный трехэтажный пирог, в котором спрятали золотую монету – подарок для удачливого гостя, – заказан фейерверк и множество китайских фонарей для освещения сада. Музыкальный вопрос разрешился при помощи арфистки из общественного собрания, двух скрипачей из театра и талантов Павлины, довольно бойко игравшей на пианино. Магде поручили цветочный декорум помещений, Александра контролировала рассылку пригласительных билетов.

Непосредственно перед вечером из китайской гостиной убрали ковер, вынесли лишнюю мебель, расставили повсюду вазы со свежими садовыми цветами и положили на столик пух-

лую стопку нот. Повар из общественного собрания помогал кухарке готовить спаржу и уху из восьми сортов рыбы, а старшая из кузин толкла в каменной ступке специи для гурьевской каши, когда вдруг на пороге дома появилась весьма колоритная цыганка с медными серьгами до плеч. Марья Клементьевна выписала ее из К., поскольку та превосходно предсказывала судьбу по картам, соли и линиям руки. Это был единственный промах госпожи Патронессы: подобные забавы в Ялуторовске одобрения не вызывали, но она этого не знала, а может, просто не хотела понимать.

Так или иначе, праздник, по общему мнению, удался. Магдалина, чтобы порадовать приглашенных, принесла с чердака большой планшет с ракушками из тропических морей – часть коллекции, принадлежавшей некогда Петру Гадалову, – и, увидев восхищенные взгляды публики, тут же радушно их раздарила. Александра скрипнула зубами, но промолчала, подчиняясь кодексу гостеприимства. Павлина, разряженная, как французская кукла, ублажала слух собравшихся какими-то мудреными этюдами.

Что касается ангелов, то они явились одними из первых, но поначалу их никто не заметил. Только через четверть часа Магдалина обнаружила нескольких пернатых существ на подоконнике, мирно беседующих друг с другом. Она принесла им специально приготовленное угощение, сервированное на дорогом эмалевом блюде. Пока серафимы закусывали тартинками, нанизанными на зубочистки, Магда спрашивала их, насколько возможна и правомерна канонизация Марии Горетти. Ангелы отвечали охотно и так увлеклись беседой, что даже не обратили внимания на поднявшийся шум, когда одна из сидящих за столом дам вытащила из своего куска пирога роскошную антикварную монету – золотой римский солид эпохи Константина Великого. Никто и предположить не мог, что сюрприз, запрятанный между миндалем и цукатами, окажется настолько ценным. Счастливая обладательница приза расплакалась от неожиданности: как она пояснила, ей никогда не везло в подобных вещах. Ее объявили королевой вечера, надели на голову специально приготовленный венок (ради него Магдалина пожертвовала несколько цветов со своей розовой плантации) и усадили в крытое бархатом кресло во главе стола, до этого момента пустовавшее. Этой дамой оказалась та самая девушка, с которой сестры Гадаловы познакомились в общественном собрании. Ее все здесь называли Анной-младшей, чтобы не перепутать с приемной матерью, божьим промыслом тоже именуемой Анной. Эта последняя была отрекомендована госпоже Патронессе как лучшая садовница «во всем нашем ангельском околотке».

Анна-старшая, вдова купца второй гильдии Нарышкина, успевала в любом деле: варила самогон на яблочной кожуре, тайно сбывая его в К., разводила индюшек и, словно нежная мать, лелеяла свои зеленые насаждения: вишня у нее вырастала размером чуть не с грецкий орех.

Несмотря на свою малую образованность, женщина непринужденно сыпала латинскими названиями растений, словно горохом. Она была человеком несколько неблагонадежным, – сестра Прага, например, уже восемь раз отказывала ей в посещении гимназического сада, однако ее терпели из-за приемной дочери, работающей в градоправлении с пятнадцати лет по рекомендации серафимов.

К часу пополудни танцы закончились: двое ангелов, бодро топая по клавишам, сыграли напоследок штраусовскую польку – что называется, в четыре ноги. Заслышав характерный треск, все выбежали в сад – посмотреть на разноцветные бусины фейерверка, катящиеся по ночному небу. Когда отгремели залпы рубиновых искр, гости разбрелись кто куда – одним хотелось поплутать по зеленому лабиринту из кустов шиповника, другие предпочли отведать кумыса в хакасской юрте, разбитой под большим дубом в центре сада, где приветливая супружеская пара в шелковых вышитых халатах раздавала традиционное для кочевников угощение. Магда, на которую уже немилосердно наваливался сон, вдруг вспомнила про цыганку, тщетно ждущую клиентов в беседке: кроме Павлины, за весь вечер к ней так никто и не наведалься. Было также неясно, кормили ее или нет. Сбегав на кухню за остатками индейки и жареной

форели, она предложила упавшей духом фараониде немного подкрепиться. Та немедленно все съела, ибо порядком проголодалась за три часа пустого ожидания, затем осведомилась, не хочет ли барышня погадать по руке. Магдалина протянула ей свою ладонь и с любопытством спросила:

– А вы та самая гадалка, предсказавшая Кити Гриневой из К. удачливое замужество, в которое никто не верил?

– А купцу Трофимову неминуемое разорение, – подтвердила она, поворачивая Магдину руку к свету и заодно раскуривая трубку.

Как следует взглядевшись в причудливое скрещение дорожек, проложенных судьбой на нежном полотне ладони, цыганка покрылась холодным потом. Магдалина поежилась от внезапно налетевшего порыва августовского ветра и неожиданно ощутила, что зря она согласилась.

– Не буду гадать, – отбросила ее руку женщина и отвернулась, глядя на дуб в отдалении, преждевременно роняющий листья, исписанные загадочными чернильными словесами. Не в привычках Магдалины было настаивать, и она поспешно ушла, стараясь не думать, что же такое недоброе узрели на ее ладони.

Гадалка долго молча сидела в своем зеленом убежище, переводя остатки табака: линия жизни этой весьма приятной девицы резко обрывалась, что грозило в недалеком будущем завершением земного пути.

– Как ваше здоровье, милочка? – спросил Магдалину доктор Клюге, встретившийся по дороге от беседки к дому, – она наклонилась, чтобы поднять дубовый лист, принесенный ветром. Синие замысловатые буквы оплетали его со всех сторон, словно паутина.

– Неплохо, доктор. А вы, я вижу, и вовсе сияете, – заметила девушка, разглядывая его румяное лицо с печатью извечной жизнерадостности.

– Представьте себе: выгасил человека из петли! – похвалился Клюге. – Приходит ко мне один молодчик, говорит: завтра вешаюсь от безысходной тоски, спасите, доктор. Я его спрашиваю: «А вы, вообще, как с деньгами обращаетесь, аккуратно?» – «Думаю, да», – отвечает. – «Ну, возьмите тогда ссуду большую в банке, – советую. – Пока не выплатите, не вешайтесь». Что вы думаете? Сработало! Два года он эти деньги отдавал, а теперь женился, о самоубийстве и не помышляет. Порядочный человек не может умереть, пока долг не отдаст.

– А если бы ваш пациент непорядочным оказался? – спросила Магдалина.

– Тут надо думать, – серьезно ответил доктор. – Другие подходы искать.

...После этого дни потекли более или менее монотонно. В начале августа произошло еще одно крупное событие – грандиозные скачки. Конь Александры, как и ожидалось, принял в них участие и пришел вторым, обогнав Экватора, никогда прежде не занимавшего третьего места.

Если июль был наполнен для Гадаловых всевозможными волнениями, то август, напротив, принес умиротворение и покой. Каждый постарался найти себе занятие по душе, чтобы скоротать время до сентября, когда откроются театры, начнутся пышные балы, а двум младшим сестрам волей-неволей придется идти в гимназию. Павлина повадилась ходить в городскую купальню, пропадая там чуть ли не до вечера. Старшие девицы Гадаловы занялись рукоделием, причем если у Александры эти занятия носили идеалистический характер и заключались в вышивании ромашек и пятнистых оленей, то Магдалина тяготела к прагматизму: вязала митенки, мастерила шелковые розы для шляп, перешивала свою старую тальму. Госпожа Патронесса приводила в порядок сад, обещая домашним неслыханный урожай малины и смородины. Иногда она приглашала Анну-старшую. С ней Марья Клементьевна довольно легко нашла общий язык на почве сельского хозяйства. Когда разговоры о сорняках и способах поливки приедались, две дамы перемещались на зелень ломберной лужайки, создавая бесконечное множество комбинаций из крестов и сердец.

В финальную пятницу августа, утром, когда Гадаловы завтракали, к ним явился Реутов и торжественно положил на стол, между молочником и корзинкой с французскими булками, четыре пригласительных билета в гимназический сад. Билет для Лотара не потребовался – он был занят в своем меховом магазине.

После этого всякий интерес к гренкам и яблочной пастиле был утерян, девицы побросали остатки завтрака и разбежались по своим комнатам – приодеться и причесаться. Госпожа Патронесса, которой уже приходилось бывать в саду по служебным надобностям, осталась за столом, невозмутимо помешивая ложечкой свой ячменный кофе.

Торопливо цокая каблучками, три барышни в сопровождении франтоватого юноши с тростью миновали сквер Исполненных Желаний и оказались перед белыми воротами, за которыми слышались крики диковинных птиц.

Едва войдя, сестры увидели прекрасную арку из вьющихся роз.

– Это так называемые врата Новиция, – пояснил Реутов. – Здесь проводят праздник посвящения в ученики гимназии. Вас, Александра Петровна, также проведут под этой аркой в октябре.

При этих словах Магдалина закусила губу. Кому, как не ей, хотелось здесь учиться! В этой прославленной гимназии, где преподают не ботанику, а англографию, каббалу и много чего еще. Ни Александре, ни Павлине, по мнению Магды, даром ничего этого не нужно было. К сожалению, обучение требовало денег или особых рекомендаций, а у нее не имелось ни того ни другого, поэтому все, что оставалось милой горбунье, – скрести ногтями столешницу в минуты уединенного досуга да перечитывать житие Марии Египтянки или сочинения Василия Великого – книги, неизменно ее утешавшие.

Еще раз взглянув на воздушного плетения арку, покрытую пышным нечесаным париком из розово-белых цветов, Гадаловы двинулись дальше.

Дорожку вдоль источника окружали пестрые островки разнородной растительности, среди которых, кажется, присутствовали доисторические хвощи, папоротники и мхи, маскирующиеся под многоцветные бархатные покрывала. Огромные вазы и корзины с дивными растениями свисали с ветвей деревьев и с резных опор. Бабочки всех размеров и мастей порхали над цветами; их было так невообразимо много, что Александра заподозрила в этом человеческое вмешательство.

– Скорее ангельское, – поправил ее Тони. – Один из серафимов, проектировавших сад, был большой любитель этой живности. Он доставил нам из Бразилии целый ящик тропических бабочек. Но жить и плодиться они могут только в пределах сада, поэтому не ищите их в других местах. И уж тем более не советую ловить этих красавиц и накалывать на булавки.

Сестры клятвенно заверили его, что подобные черные мысли не могли им и в голову прийти.

Миновав цветочный рай, они вышли на зеленую лужайку к озеру. Свежий ветерок от воды придал силы – Александра, не щадя нового английского костюма, уселась на большой гранитный валун прямо у самой воды и принялась кидать в озеро мелкие белые камешки, в изобилии валявшиеся поблизости. Магдалина разулась и, приподняв подол, с наслаждением вошла в прохладную воду – солнце пекло со всей мочи, но не смогло прогреть прозрачно-чистую озерную влагу.

– Эта лужайка знавала лучшие времена при ангелах-основателях, – сказал Реутов. – Здесь серафимы давали летние балы со всякими затеями. Могли, например, вызвать ливень из лаванды или рассыпать на берегу целый поднос разноцветных топазов, перемешав их как следует с галькой, чтобы устроить потом соревнование: кто быстрее найдет драгоценности.

– Как мне жаль, что эти времена ушли, – с грустью отозвалась Александра, плюхнув в воду увесистый бульжник. – Особенно скверно, что мы не знаем, из-за чего ангелы покинули город. Не расскажешь ли нам? – Она старалась придать своему голосу интонацию поравно-

душнее, но розовые лепестки в ее груди вздрагивали. Магдалина тоже постаралась изобразить незаинтересованность: она изо всех сил брыкалась в воде ногами с тем расчетом, чтобы брызги достали зазевавшуюся Павлину, разглядывающую куст со странными синими ягодами.

– Очень мало людей знают, что случилось тогда на самом деле, – ответил Реутов после небольшой паузы. – С уверенностью можно сказать лишь одно: серафимам нанесли тяжелое оскорбление, и, скорее всего, это была кража.

– Кража? – переспросила Александра. – Каким образом можно было обокрасть ангелов, они, как я понимаю, всевидящи?

– Не совсем так. – Тони сосредоточенно разглядывал набалдашник своей трости. – Им разрешили построить город при условии, что во время пребывания на земле они частично утратят свои серафические способности. Это было вполне разумно, иначе к ним бы выстроилась очередь из жаждущих исцелиться или узнать судьбу.

– Что же украли у них? – нетерпеливо перебила его Гадалова.

– Не знаю, но что-то весьма ценное. После этого неприятного происшествия ангелов отозвали назад. Часть, правда, уходит ни в какую не хотела. Им позволили остаться, но небесные регалии так и не вернули, – ведь бесконтрольное пребывание ангелов в физическом мире могло привести к непредсказуемым последствиям. Так что из могущественных серафимов они превратились в беспомощных крылатых гномов.

– Не понимаю: как ангелы на такое пошли? Какую цель они могли преследовать? – задумчиво спросила Александра.

– Я говорил с ними на эту тему. По их словам, прегрешение, совершенное много лет назад, может быть искуплено. Они принесли обет оставаться на земле, пока жители Ялutorовска не исправят ошибку и не будут прощены, восстановив поток милостей, изливавшийся на город на заре его существования.

– Они не могут уточнить, что именно нужно исправить? – вдруг вмешалась в разговор Магдалина, выходя на берег.

– Я не имею удовольствия знать, – почему-то спрятав глаза, пробормотал Тони. – Кушайте ягоды, они чрезвычайно полезны, – сказал он погромче, обращаясь к Павлине, которая все еще обхаживала загадочный куст. – Между прочим, это растение появилось из слез Ренаты, старшего серафима из Семнадцатого отряда. Бедняга – она так нервничала, когда ей стало известно о приказе капитана Л. покинуть наш город недостроенным. Серафима пришла сюда, в свое самое любимое место, и лила безутешные слезы. Из них-то и выросла эта жимолость.

– Вот это – жимолость? – удивилась Павлина. Весь рассказ о какой-то серафической Ренате она восприняла, как всегда, с изрядной порцией недоверия. – Но она раза в три больше и раз в десять слаще той, что растет в нашем саду.

– Естественно, – с легким оттенком презрения в голосе ответил Реутов. – Ведь ваша жимолость не имеет ангельской биографии и, как следствие, необычных размеров и вкусовых качеств. Из ее листьев, кстати говоря, сестра Прага готовит отвар, полезный при катаракте и других заболеваниях глаз. Исходя из интереса к ягодам, я полагаю, вы нагуляли аппетит. Пойдемте-ка к голубятне. Там рядом растут чудесные яблони – заодно и перекусим.

Голубятня оказалась небольшим сооружением в виде китайской пагоды, окруженной фруктовыми деревьями, в основном яблонями. Реутов, услужливо подавая барышням увесистые Евины плоды всех мыслимых расцветок, не уставал рассказывать разные занимательные вещи.

Пока он произносил свои речи, на дорожке поодаль появились две женщины – первые люди, кроме привратника, которых они здесь увидели. Одна из незнакомок, более старшего возраста, была одета в белое платье с золотыми эполетами, руки держала за спиной и шла очень быстро. Ее рассеянный взгляд на минуту скользнул по лицам экскурсантов, но, по-видимому,

она не нашла нужным с ними поздороваться и, продолжая начатый ранее разговор, сурово спросила у своей спутницы – молодой девушки, почтительно следующей за ней на расстоянии полушага:

– Ну, и какое же имя носит луна весной? Вспоминайте поскорее.

– Я не уверена, но, кажется, Агюзита?

Что ответила на это барышня, Гадаловы не расслышали, поскольку дамы уже скрылись из виду за печальными зарослями лещины.

– Это и есть сестра Прага, – пояснил Реутов. – Принимает какой-то экзамен у задолжавшей с мая гимназистки.

Магдалина с благоговением посмотрела вслед этой женщине, которая, как ей было известно, неоднократно приглашалась в заграничные университеты с курсами лекций на богословские темы. В Сорбонне, например, она читала «Проблемы святого Грааля в свете современных герменевтических трактовок» и «К юбилею святого Колумбы», а в Болонском университете – «Монотеизм в Древнем Египте», наделавший много шума, ну и, наконец, в Копенгагене – и вовсе скандальную «Астрологию Апокалипсиса». Ее сестрицы ничего этого, конечно, не знали – в теологических вопросах они продвинулись не дальше, чем, скажем, их кошка Тереза в арифметике.

Магда вздохнула и нехотя поплелась за сестрами – их уже куда-то опять тащил неугомонный Реутов. Она настолько погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила, в каком дивном месте очутилась, и только услышав радостные взвизгивания младших сестер, с удивлением огляделась по сторонам. Они находились на просторной поляне, окруженной молоденькими березами и усыпанной лесными цветами. Как ни странно, цветы представляли исключительно весеннюю палитру – на полуобнаженной, еще не полностью прикрытой растительностью земле цвели подснежники, мать-и-мачеха и пучки лиловых крокусов; только что вылупившаяся клейкая листва на деревьях медленно плыла в потоках теплого ветра.

Александра подошла к первому попавшемуся дереву и молча, не находя слов от восторга, указала сестрам на розовые бутоны. Это была яблоня, и она явно готовилась к цветению – и это в конце лета, когда ее товарки в других частях сада уже сгибались от тяжести янтарного приплода!

Сестры обступили дерево, словно новогоднюю елку, разглядывая цветочные зародыши. Александра жадно хватала их, как детские пальцы, трогая то один, то другой, наслаждаясь непревзойденной шелковой фактурой лепестков. Реутов, сдержанно улыбаясь, стоял в стороне, ожидая, пока о нем вспомнят. Действительно, через несколько минут Павлина наконец отвлеклась от яблоневого дурмана и спросила:

– Как называется это сказочное место?

– Резервация весны, – ответил Тони. – Ангелы подали прошение в верховную палату Природных Элементов, чтобы в городском саду всегда имелся небольшой клочок земли, оживленный дыханием майского ветра – где истомленные зимой люди могли бы отогреть и души, и тела.

Когда барышни налюбовались вечноцветущими деревьями, Реутов повел их дальше, объясняя, что основные диковины сада они уже осмотрели, осталась только библиотека в часовне, возле входа в которую росли олива и рожковое дерево.

– Бьюсь об заклад, что об этих представителях южной флоры вы читали только в книжках. Наши девицы из гимназии так объелись маринованных оливок за время обучения, что на нынешний урожай уже и смотреть не хотят. Сестра Прага, конечно, сердится. Зачем, хотелось бы знать, первый директор гимназии выпрашивал у ангелов семена рефаим?

– Какие семена? – заинтересовалась Магдалина как главный садовод в семье.

– Ну, рефаим их называли ангелы на своем языке. Агрикола именует их *semen universalis*. Неизвестно наперед, какие из них получатся растения. Ангелы дали нашему саду целых три семени. Из них выросли олива, рожковое дерево и голубые лотосы нестандартного размера.

– Но мы не видели никаких лотосов, – вставила Павлина.

– Отдыхают, – кратко пояснил Тони. – Теперь уже до следующей весны. Хотя это цветы с норовом: захотят – распустятся и в октябре.

Сразу за майскими яблонями расположилась часовня Благодарного Сердца, вход в которую охраняла старшекурсница Марианна Сеницына. Она молча скользнула взглядом по пестрой компании, деловито вздернула бровь и повернула на два оборота золотой ключ.

Книги висели под потолком на веревках, на разном расстоянии от пола. Едва гости шагнули вовнутрь, фолианты пришли в движение: одни стали подниматься вверх, другие – их было меньшинство – начали снижаться. Александра запрокинула голову: прямо на нее медленно опускалась книга внушительных объемов. Через минуту девушка уже прикасалась к ее обложке.

Большая часть страниц была закреплена железной скобой – прочесть их пока не представлялось возможным.

Гадалова раскрыла книгу на первом свободном листе. На нем значился текст:

«Александра с изумлением увидела, что ключ от часовни прилип к груди Марианны, как кусок железа к магниту. Она сняла его и, провернув два раза в замке, открыла двери, впуская гостей в библиотеку».

Это была книга Перемен, фиксирующая все основные события, происходящие в Ялutorовске. Она имела обыкновение проводить больше половины времени под потолком, но дочь Петра Гадалова, видимо, чем-то ей приглянулась, и книга решила немного пообщаться с посетителями.

4

Когда мадонна Осень, щедро рассыпая повсюду пеструю листву, вошла в город, Александра отправилась в местную гимназию на занятия. Цели обучения оставались для нее весьма смутными, и от ближайших двух лет она не ожидала ничего интересного – это был всего лишь выкуп, который ей требовалось заплатить за Лотара.

Павлину отдали в обычный класс, занимающийся по усеченной программе – только светские дисциплины. Госпожа Патронесса не собиралась мучить свою дочь неприменимой к жизни метафизикой.

Магда, провожая сестер, пребывала в мрачном настроении. Чем теперь ей заниматься в пустых комнатах, пока все при делах? Неизменный Василий Великий служил большим утешением, но этого, однако, было мало: старшей Гадаловой очень хотелось пройти вместе с Александрой курс обучения. Помимо теоретической пользы, это несло и практическую ценность – ведь гимназистам выписывали абонемент в сад и самую обширную в городе библиотеку.

Первый одинокий день показался ей бесконечно длинным. Пришлось сочинить себе множество хлопот – шитье, уборку, – но все же она понимала, что долго так не протянет – требовалось занятие посерьезнее. В К. девушка участвовала в различных благотворительных фондах – от общества помощи больным чахоткой до организации, занимавшейся поддержкой бывших каторжан. Ее розы и балетный станок остались при ней, но общественной деятельности явно не хватало. Реализовать свою кипучую энергию было негде – в Ялуторовске не имелось каторжан, а чахотку здесь пресекали на корню – каждую весну серафимы, сведущие во врачебном искусстве, прямо на улицах варили и раздавали жителям особый профилактический отвар.

«А может, так тому и быть – мою сестрицу с ленцой отправили учиться в гимназию, где нужно много чего делать, чтоб оставаться на плаву, а Магдалине следует накинуть узду на свой темперамент, сидеть дома и стряпать коричные пироги», – подумала горбунья, оторвавшись от шитья. Все оставшееся время до прихода родни она расстреливала из игрушечного пистолета произвольно выбранный цветок на обоях.

Сестры испытывали обоюдную зависть, совершенно о том не подозревая: Магдалина отдала бы, как она выражалась, «все золото инков» за то, чтобы ее имя пополнило списки учеников гимназии, а Александра готова была пожертвовать не меньше трети своего вполне реального состояния, лишь бы сидеть сейчас дома, пить чай и шить бисерные картины, недавно вошедшие в моду.

Первое впечатление дочери Петра Васильевича о гимназии было приятным. Ее наметанный глаз богатой наследницы не преминул отметить зеркало, одетое в дорогую бронзовую раму, прекрасные пейзажи, развешанные в оконных проемах, наверняка заказанные столичным мастерам, слепящую сахарную белизну ажурных занавесок и роскошь оранжерейных цветов, в изобилии украшавших столы и подоконники. Ступеньки двух крутых лестниц вели на второй этаж. Между ними под стеклом располагалось расписание – документ, обязательный к изучению. Несмотря на то, что оно было написано крупными буквами, Александра, последние пять лет страдавшая близорукостью, разглядеть его не смогла. Подойти поближе ей не хотелось, потому что совсем рядом с расписанием шушукались девчонки-второкурсницы в платьях цвета кричащий электрик, довольно неуместном для учебного заведения, где положено выглядеть скромно. Гадалова опустила на кресло у окна, тщательно расправив юбку. Одежда только добавила неловкости: на ней было коричневое платье, какое она привыкла носить в К-й гимназии, и оно сразу же выдавало в ней неофита.

Наконец какая-то дама, шелестя прелестным кремовым одеянием, подошла к девицам и что-то негромко им сообщила. Александра напрягла слух, но почти ничего не разобрала,

кроме слов «Ольвия» и «Прага». Обменявшись репликами с ученицами, дама направилась к ней, а девушки, словно стайка бирюзовых колибри, упорхнули в аудитории.

– Меня зовут Варшава, я ваша преподавательница, – сказала она, дружелюбно глядя на новенькую.

Александра ожидала более официального приема – ведь ее отец истратил изрядные суммы на это заведение. Почему же ее никто не встретил, кроме этой дамочки, разряженной как на бал, которой следовало бы немедленно оставить свои дела, как только благородные ноги мадемуазель Гадаловой переступили порог этой странной гимназии?

– Идемте, – сказала сестра Варшава. При этом она иронически улыбнулась, будто прочла ее рассерженные мысли, и Александра поспешила за пышной юбкой, шуршащей по полу. Проходя мимо расписания, она сказала своей провожатой, что хотела бы ознакомиться подробнее с этим документом.

– Извольте. Однако здесь распорядок всего лишь на два ближайших дня. Сестра Прага в очередном отъезде, поэтому утрясти его пока не удалось.

Александра не услышала этой реплики: все ее внимание было приковано к листам с расписанием, выплывшим наконец из близорукого тумана.

Занятия по астрологии, практической и цветовой алхимии и ангелография (с 1 по 4 циклы) были разбавлены литературой и латынью.

– Очень плотный график, понимаю, – сочувственным тоном сказала Варшава, видя ее растерянное лицо. После К-й гимназии это не мед, но вы привыкнете.

Александра смотрела на нее во все глаза. Она, конечно, знала о теологическом уклоне учебного заведения, но о таком предмете, как ангелография, слышала впервые, а астрология с алхимией, как ей казалось, навсегда остались в ряду сомнительных достижений средневековья.

– Не беспокойтесь вы так сильно, – улыбалась преподавательница. – После третьего урока у нас перерыв в сорок минут – успеете подкрепиться как следует. Можете сходить домой, а можете и здесь поесть – у нас отличная кухарка, да и многие ученицы хорошо стряпают.

Эти сведения почему-то показались Александре малоутешительными.

– Понимаете, – начала было она, но не сразу подобрала подходящие слова, способные прикрыть ее смятение. – Я... не изучала некоторых предметов раньше... И мои познания в латыни – несколько расхожих афоризмов, и...

– О, это пустяки, – сказала Варшава, причем так уверенно, что Александре чуть-чуть полегчало. – С латынью вам помогут девочки, они почти все прекрасно в ней разбираются. Самое сложное – это ангелография, от вас она потребует немало сил, поэтому включайтесь в работу не откладывая. Вы в группе «А», занятие начнется через три минуты. Кабинет в этом коридоре, прямо и направо. Ну а теперь я вас покину, моя дорогая, – заключила сестра, глядя на свои золотые часики, пристегнутые к поясу (когда она их закрыла, Александра, сошурившись, рассмотрела рисунок на крышке: архангел Варахиил, стригущий розовые кусты). Сестра Варшава кинула на нее ободряющий взгляд, и ее шелковый кринолин, удаляясь, торжественно поплыл по синему ковру, словно парусник по тихому морю. Девушка, наскоро переписав уроки, поспешила в указанную аудиторию, не желая опозданием привлечь дополнительное внимание к своей персоне. В кабинете, куда она почти вбежала, уже сидело примерно полтора десятка учениц – кто-то доставал тетради, кто-то оживленно переговаривался. Совершенно неожиданно Александра увидела знакомое лицо – Минни Горойде, очаровательную юную еврейку, с которой они полгода проучились в К-й гимназии.

– Ляленька! – на весь класс в приливе простодушной радости завопила Минни, узрев Гадалову. Той оставалось только опустить веки, чтобы не видеть обращенных к ней тринадцати пар глаз, и обругать про себя Минерву всеми плохими словами, какие только случилось при-

помнить. Девушки уже успели перезнакомиться и освоиться, а она была пока чужеродным элементом, потому что позволила себе прийти в гимназию два дня спустя начала занятий.

– Это же Саша Гадалова! – пояснила рыжеволосая барышня своим товаркам и кинулась к Александре на шею. – Дорогая, мы тебя так ждали! – в эйфории восклицала Минерва, тиская подругу что есть мочи. Остальные девушки обступили их плотным кольцом, и, когда дольше оставаться с закрытыми глазами было уже неприлично, Александра раскрыла их и увидела, что гимназистки смотрят на нее с искренней симпатией.

– Добро пожаловать к нам, – сказала одна из них и подала руку.

– Добро пожаловать, – отозвались остальные благожелательным эхом. Александра почти успокоилась, ее внутреннее напряжение немного спало.

– У нас столько интересного, дорогая, ты не представляешь! – тараторила Минни, стараясь до прихода преподавателя успеть рассказать как можно больше. – Меня сестра Прага просила провести занятия у подготовишек по математике. Ну, это просто: восемь ангелов сидело на крыше Страсбургского собора, три улетело, но один вернулся – сколько стало? Они такие смешные, эти малыши, спрашивают меня...

Продолжение речи, к великому облегчению Александры, услышать не удалось, поскольку сестра Петронила, шумно распахнув двери, вошла в класс, и разговоры тут же смолкли.

Это была единственная преподавательница гимназии, не взявшая себе псевдонима, оставшись при своем – довольно курьезном – имени. Она была сухопарая, высокая, в неброском наряде, но с неизменным золотым брегетом. Гадалова ожидала, что Петронила как-нибудь отреагирует на ее присутствие, однако этого не произошло: она встала за кафедру, положила рядом с собой раскрытые часы и сразу, без каких-либо преамбул, начала лекцию.

Уже потом Александра поняла, что эта женщина настолько сосредоточена на материале, что не видит вокруг себя никого и ничего, кроме таблиц с генеалогическими древами архангелов и схем ангельских иерархий, по которым периодически водит указкой, причем так стремительно, что никто не успевает во что-либо вникнуть.

– Итак, сегодня мы отвлечемся от громких имен, таких как Гавриил или Рафаил, – произнесла Петронила, рассеянным взглядом обводя учениц. Было заметно, что она не выспалась, но, как выяснилось позже, это было ее естественным состоянием, поскольку преподавательница являлась классическим образчиком совы, пропадающей по ночам в пыльных лабиринтах библиотеки, а днем дремлющей каждую свободную минуту на диване в зимнем саду.

– Сегодняшняя наша лекция – о Безымянном ангеле, – сказала она слегка хрипловатым голосом, и девушки, раскрыв тетради, сразу же принялись записывать. Александру, и так озадаченную сверх меры, название лекции смутило окончательно. Она, еще ничего толком не понимая, сидела не шевелясь, с удивлением разглядывая медный египетский крест на шее у Петронины.

– Название лекции, как вы понимаете, условно, – продолжила та свою странную речь. – У каждого ангела есть имя. Но ведь ангелов бесчисленное множество, а скольких из них вы знаете по имени? – Тут она сделала паузу для возможных реплик, однако никто не решился что-либо прокомментировать. – Отсюда возникает проблема: люди молятся только крайне узкому кругу общеизвестных ангелов, остальные же простаивают, не имея работы. Понимаете, о чем я? Без исполнения ваших молитв для ангелов не будет продвижения. Вы должны помочь им подняться вверх по крутым ступенькам лестницы Иакова, по крайней мере, из элементарного... гм... помогите подобрать слово... ангелолубия?.. По-моему, люди и ангелы должны держаться сообща в наше нелегкое время.

В этом месте ученицы одобрительно закивали. Александра взялась за перо и машинально вывела слово «ангелолубие» у себя в тетради, тут же ужаснувшись его нелепости. Минни, рядом с которой она села, уже успела написать пять строчек. Что именно, девушка не смогла понять из-за неразборчивого почерка, а спрашивать не рискнула.

– Итак, – продолжала Петронила, – сегодня мы немного отступим от сухого теоретизирования и попробуем взглянуть на англографию с практической стороны. Уверю вас: для жизни это самый полезный предмет, так как ангелы находятся почти везде, не исключая и этой комнаты.

Кое-кто из учениц с любопытством оглянулся. Никаких следов ангельского присутствия, честно говоря, в аудитории не наблюдалось, кроме вышеназванных схем и пары литографий Доре. Тем не менее в голосе преподавательницы звучала непоколебимая уверенность, и спорить никто не осмелился.

– Так вот, я вас призываю или даже, можно сказать, агитирую обращаться к ангелам, в том числе к тем, которых вы не знаете... Уж они-то точно вас знают. Держитесь за их разноцветные плащи, чтобы не упасть. Просите, настаивайте, в конце концов требуйте, если вам что-то нужно. Помните: они живут и работают среди нас, правда, оставаясь инкогнито. Хотя нам с вами повезло: благодаря крылатому секретариату градоправления, мы можем кое-что узнать об ангелах, работающих в нашей местности. По моей просьбе старший секретарь составил список из трех сотен ангелов младших чинов, прикрепленных к Ялуторовску, – так сказать, наших земляков. Документ этот я оставляю на столе, можете его посмотреть.

Сразу замечу, что имена записаны весьма приблизительно, так как не было разработано ни одной сколько-нибудь приличной системы транскрибирования небесного языка. Тертуллиан, говорят, пытался этим заниматься, но потом забросил, Экхарт желал продолжить его работу, однако смерть бесцеремонно вмешалась в его труды; большинство современных авторитетов вообще считают серафическую лингвистику квазинаукой. Ну о какой теории перевода с ангельского языка на земной можно говорить, если первого никто толком не знает, а во втором не найдется и десятой доли для обозначения всех тех понятий, существующих в небесном царстве, но отсутствующих здесь? Правда, имеется информация, что некоторые земные языки в большей или меньшей степени содержат так называемый «серафический процент». Он довольно высок в латыни. Что касается ныне здравствующих языков, информацию о них вы подготовите на следующий семинар. – Петронила подошла к доске и стала записывать названия трудов, рекомендованных к изучению по данному вопросу. Барышни прилежно заскрипели перьями, перешептываясь, что преподавательница, по своему обыкновению, сбилась с заявленной темы.

Александра зачарованно смотрела на нее, размышляя, что, наверное, она спит, а во сне, как известно, можно услышать самые причудливые речи. Минни вывела ее из этого минутного заблуждения, пихнув локтем под бок:

– Записывай скорее имена авторов. Наши семинары – это тебе не шутка!

Девушка послушно задвигала пером, подумав мельком, что чего-чего, а шутников тут точно хватает. Следующая реплика сестры Петронилы подкрепила эту мысль:

– Работая с «неизвестными» ангелами, – сказала она, вытирая ладони, запачканные мелом, – вы и сами можете придумывать им имена, такая практика вполне допустима. Николай Кузанский рекомендовал это своим ученикам...

Перо выпало из рук Александры с предательским шумом. Она покраснела и полезла под парту, где ей в голову пришла шальная мысль, что недурно здесь же, под столом, и остаться, лишь бы не видеть эту странную женщину, несущую Бог знает что, и почти полтора десятка невозмутимых девиц, хладнокровно конспектирующих эту ахинею.

– Вы любите говорить, обращаясь к Богу: «Господи, дай мне шанс», а я говорю: дайте шанс Господу, – с неожиданным пафосом прогремела Петронила, окончательно, по-видимому, проснувшись: в голосе исчезла хрипотца, глаза оживились лихорадочным блеском. – В своем эгоистическом ослеплении мы думаем, что ангелы ни в чем не нуждаются, как будто нуждаться можно только в одежке или в куске пирога. У каждого есть потребность в личностном росте, будь то человек или крылатый серафим. Помогите даже самому маленькому ангелочку продви-

нуться, помогите крохотной искре превратиться в звезду. Они вокруг нас, я различаю шелест их крыльев, а если вы перестанете скрипеть перьями и задержите дыхание, то и вы услышите. Они сидят в этой комнате на свободных местах, невидимые вами, готовые прийти на помощь и, увы, всегда по невежеству игнорируемые.

Легкий гул прокатился по рядам: кого-то задело обвинение в невежестве, а кого-то заинтересовали внезапно раскрывшиеся перспективы. Александра сидела молча, старательно вырисовывая на полях тетради ромашку со знаком вопроса на каждом лепестке.

Сестра Петронила распространялась на заданную тематику еще полчаса, причем под конец стала сыпать какими-то сложными именами, трудно воспринимаемыми на слух, переходя с русского на латынь, а с латыни на греческий, чем довела Александру почти до полного отчаяния.

Когда занятия закончились, она сказала Минерве, надеясь встретить понимание, что чувствует сейчас ужасное смятение.

– Я тебе от души сочувствую, Саша, – отозвалась Минни. – Я в первый раз тоже явилась сюда в коричневом платье и была как индюшка среди куриц.

Глаза Александры, и без того не маленькие, сделались еще больше: она и думать забыла про неподходящий наряд, и уже хотела объяснить Минерве подлинную причину своего смущения, но вдруг поняла, что это бессмысленно. И ограничилась только печальным вздохом.

Дома она также не нашла никого, способного ей посочувствовать. Вернувшись в фамильное гнездо к обеду, едва живая после трех уроков англографии (алхимию, к счастью, отметили), она застала там только Магду, сидевшую в гостиной и сосредоточенно расписывавшую розами деревянную тарелку.

– Поменьше lamentаций, дорогая, – с некоторой жестокостью ответила кузина на ее излишние. – Там работают лучшие преподаватели Восточных земель. Многие почли бы за честь учиться в этой гимназии. Но у них нет такой возможности.

После этого Александра обиженно удалилась в свою комнату, не уловив ударения, которое Магдалина сделала на слове *многие*.

Увы, сестры не всегда проявляли друг к другу чуткость.

Забегая вперед, скажем, что уже к концу октября Александра адаптировалась к гимназической жизни, разобралась в нюансах местной моды, научилась тушить в обеденный перебив капусту и пить чай вприкуску с круглой таблеткой сахарозаменителя, который изготавлила и настойчиво всем рекомендовала сестра Петронила, – в этом был свой экономический резон, поскольку в гимназии находился бесплатный для учениц зубоветеринарный кабинет, счета из коего доставлялись прямым ходом в здешнюю бухгалтерию.

Из светских дисциплин особый упор делался на изучение языков, что Александре пришлось весьма по душе. Сестра Прага вела по субботам в общественном собрании краткие курсы французского и итальянского, а в остальные дни недели устраивала нещадный языковой террор среди гимназистов – как девушек, так и юношей. Она придумывала немислимые контрольные задания, где предлагала перевести на изучаемый язык такие слова, как «разнотравье», «шаромыжник» и даже «экий». Еще она владела древнееврейским. Как-то раз Александра принесла ей дубовый листок из своего сада, исписанный загадочными словесами.

– А, старина каббалистический дуб! – Директриса внимательно разглядывала надпись. – Вместо желудей плодоносит изречениями.

– Отец любил срывать по утрам пару-тройку свежих афоризмов и зачитывать их за завтраком, – отозвалась Гадалова. – Но мы не столь сведущи в древних языках. Что здесь написано?

– «Нельзя идти по пути. Путем надо стать». Что-то вроде этого, – удовлетворила ее любопытство сестра Прага. – Думаю, ваш древесный друг скоро начнет вещать на русском. В нем нет ни малейшего снобизма, поверьте. Просто еще не подстроился под новых жильцов.

Вообще, подчас казалось, что для обитателей этого пространства не было ничего, что бы они не могли объяснить или истолковать. Александра поняла это, когда пришла однажды с урока математики, который длился весь день, и в изнеможении опустилась в кресло.

– Что вы там такое делали, дрова пилили, что ли? – спросила Магда, перестав жужжать швейной машинкой.

– Хуже, – сказала Александра, расшнуровывая ботинки (она ходила в обуви по ковру, если госпожи Патронессы не было дома), – мы доказали квадратуру круга.

Магдалина ухмыльнулась, и монотонный стрекот возобновился.

5

Ровно сто два шага требовалось отсчитать от часовни, в которой, опираясь на щит с геральдической лилией, стояла мадонна Приближение Света, – и вы оказывались в довольно густом лесу, где траурные ели живописно перемешивались с золотыми осинами. Днем сюда ходило множество горожан, причем цели визитов имели различный характер: прагматичные граждане собирали грибы и калину, а романтично настроенные искали перья ангелов. Этот участок леса был наиболее урожайным на серафические сувениры – за всю историю города здесь нашли около четырех десятков перьев. Ангелы-основатели очень плохо переносили земные условия, что отразилось прежде всего на состоянии их крыльев, безбожно линявших. Дивные перья в алмазных и жемчужных росинках, лучащиеся в темноте переливчатым светом, в изобилии сыпались на лесные дорожки, по которым бродили посланцы небес, отдыхая от человеческого общества.

Помимо примечательного прошлого, у этого леса имелось еще предостаточно секретов. Взять хотя бы поляну, затерянную в непролазной чаще, озаренную пляшущим светом фонарей, на которой в поздний вечерний час собрались семь человек, пожертвовавших уютом и покоем своих спален ради каких-то неизвестных, но, судя по всему, исключительно важных целей.

Они долго брели по тропинке, освещаемой вороватой лиловой луной и окруженной стенами тревожной ночной тишины. Никто не проронил ни слова, только одна из девушек слегка вскрикнула, зацепившись плащом за колючий куст боярышника.

Их было шестеро: седьмой пришел на поляну двумя часами раньше, чтобы подготовить ее к таинственному собранию – развести костер, зажечь фонари, разложить на скамье ящики и шкатулки с непонятным инвентарем.

Добравшись до места назначения, все столпились возле огня, протягивая к нему озябшие пальцы. По-прежнему никто не произносил ни слова: казалось кощунством нарушить торжественное молчание осеннего леса, взиравшего пустыми глазницами темноты на собравшихся.

Когда все отогрелись, тот, кто пришел заранее, сделал рукой распорядительный жест, и четверо из шести выстроились в шеренгу. Мужчина раскрыл резной ларец, стоявший на скамье, и извлек оттуда пригоршню свежих осенних листьев. Подойдя к ближайшему от него человеку, он прикрепил булавкой к его куртке красный листок.

– Приветствую тебя, брат Белый Орешник, – сказал он вполголоса.

Эта странная процедура повторилась еще три раза, не затронув только двух дам, стоявших в сторонке. Это были Александра и Магдалина, обе закутанные в темные плащи с капюшонами, которые они надвинули пониже, пробираясь по спящим улицам города, чтобы какой-нибудь случайный прохожий не опознал их ненароком.

Наконец, когда в шкатулке осталось всего два желтых листика, проводивший церемонию обратился к Гадаловым:

– Мы вызвали вас сюда, чтобы предложить вам вступить в наше общество. От вашего согласия зависит самое его существование, поэтому прошу выслушать внимательно, кто мы и чем занимаемся.

Говоривший был совершенно незнаком девушкам. Однако весь его облик, голос, плавная, спокойная, уверенная речь располагали к себе самым решительным образом. Он сделал жест, разрешающий сесть, и сестры опустились на скамейку, где уже разместились остальные. Это были: Лотар, Реутов, Анна-младшая и покрытая двойной вуалью сестра Варшава, опознанная Александрой по голосу. Поверх вуали, словно впитывая лунный свет, блестело серебряное монисто.

Сестры оказались здесь несколько неожиданно для самих себя. На эту сходку их пригласил Реутов, когда в очередной раз они гуляли в сквере Исполненных Желаний. Юноша

сообщил, что в городе уже давно существует тайный союз, и он счел необходимым принять в свои ряды двух кузин. Объяснить более подробно он наотрез отказался, сказав, что у него нет на то полномочий. Магдалина, склонная к авантюрам, согласилась идти на загадочное собрание довольно легко; Александру же пришлось уламывать, причем решающую роль сыграло участие во всей этой затее Лотара: он уверил ее, что это дело чрезвычайной важности, от которого зависят успех и благополучие не только всех них, но и города в целом.

– Вопрос чести, – добавил Бергман так сурово, что Александра поняла: не пойти невозможно. Никаких дополнительных разъяснений она не добилась, хотя и проявила максимальную настойчивость: Лотар упрямо воздерживался от комментариев.

Итак, сестры шагнули в неизвестность, настолько же темную, как и лес, окружавший ночное сборище.

«А может, я что-то в нем пропустила и он политически неблагонадежен?» – в отчаянии подумала Александра о Лотаре, с тоской оглядывая поляну. Боярышник разорвал ее новый плащ, и это обстоятельство вывело девушку из душевного равновесия, поэтому ей не удалось трезво оценить ситуацию. «Тащиться сюда под полночь можно только в антиправительственных целях», – с нарастающей тревогой подумала она и взглянула на сестру, но та была спокойна и даже улыбалась. «Все дело в ангелах», – наконец сообразила она и не ошиблась.

– В году 1792 серафимы из Семнадцатого отряда Воинств с высочайшего позволения императрицы заложили на месте небольшой деревеньки Ялуторово город, в котором мы имеем честь проживать, – начал свою речь глава собрания. – Поселение это получило название Теронис, однако со временем старое имя его потеснило. Огромным золотым циркулем было очерчено пространство, предназначенное для строительства, и поделено на двенадцать радиусов, ставших контурами улиц.

На излете третьего года строительства, в разгаре июля, было совершено преступление. У серафимов похитили некую вещь, не имеющую цены. В соответствии с Уставным соглашением, подписанным ангелами, они могли находиться в городе лишь при условии, что поведение обитателей Терониса не разоидется с общепринятыми представлениями о чести и достоинстве. После этого прискорбного события ангелов немедленно отозвали, и строительство города было прекращено.

Нужно ли говорить, что жители Ялуторовска восприняли это как катастрофу, разрушившую все их планы и начинания? Была составлена петиция за подписью четырех тысяч человек, что жители Ялуторовска обязуются приложить все возможные усилия для исправления вины. После затяжных и мучительных переговоров небесные силы решили даровать жителям шанс: в конце концов, нарушителем контракта был всего лишь один человек из четырех ни в чем не повинных тысяч.

В Ялуторовске оставили Восьмую серафическую бригаду, состоявшую из пятнадцати серафимов низшего ранга. Эти ангелы сами вызвались оставаться на земле и оказывать посильную помощь. С ними вы уже знакомы – сейчас они служат в штате градоуправления. Добровольцы были лишены Шести Ангельских Привилегий, сохранив только седьмую – способность перемещаться при помощи крыльев. Последние, однако, тоже претерпели существенные изменения: вместо трех пар им была оставлена всего одна. В довершение к этому безрадостному списку утрат их лишили памяти о божественном мире, сохранив, правда, огромную эрудицию и знание языков. Помимо этого, серафимы значительно потеряли в росте. Ни один человек не выдержал бы таких трудных условий, но ангелы со всем смирились и вот уже больше столетия несут вместе со всеми нами тяжелые последствия случившегося...

Мужчина прервал свою речь, ожидая вопросов. Но Гадаловы молчали, угнетенные столь печальным рассказом, и он продолжил:

– Перед тем как удалиться на родину, в райскую провинцию Араминт, капитан Семнадцатого отряда сделал пророчество: более чем сто лет спустя утраченная реликвия найдется.

Чтобы это произошло, необходимо собрать воедино все буквы слова «Амальгама», а затем восстановить витраж в храме Огненных Серафимов. Его начали устанавливать буквально за день до того, как неизвестный злоумышленник совершил кражу. Этот витраж вместе со статуей мадонны Ожидание должен был стать самой большой диковиной в городе – его изготовили из особого материала, аналогичного кристаллу альгамбрис, описанному Иоанном Возлюбленным в своих видениях на острове Патмос. Прекрасный рисунок небывалых цветов с вкраплениями жидкого золота призван был украсить центральное окно сразу за алтарем. Что из себя представляло изображение, узнать не удалось: как только о преступлении стало известно, ангелы получили приказ прекратить работу. Одиннадцать больших стеклянных пластин были тщательно упакованы и переданы старостам, по одной в руки, чтобы они бережно упрятали сокровище, не оставив никаких координат о местоположении витражных фрагментов и обязуясь молчать о них до конца своих дней. Последнюю часть сделать не успели – в итоге двенадцатому старосте достался только рецепт стекольного теста.

Здесь глава собрания снова замолчал, на этот раз просто чтобы перевести дух.

– Я, Ганимед Боровониди, председатель общества, принимаю вас в орден Осени. Поскольку согласно тому, что поведала госпожа книга Перемен, ваша судьба – помочь нам найти фрагменты и восстановить репутацию нашего города, – вдруг неожиданно выпалил председатель.

– У меня вопрос, – невозмутимо поднялась со своего места Магдалина (она уже успела разуться и стояла босиком на сырой осенней листве).

Александра глянула на нее с удивлением. «У моей странной сестрицы всего один вопрос, а у меня их не меньше дюжины, наверное», – мелькнуло у нее в голове.

– Насколько я успела сообразить, слово «Амальгама» составлено из начальных букв наших имен?

Ганимед молча кивнул.

– Но, исключая мягкий знак, нам недостает буквы «А». Это слово еще не в полном виде, а вы уже приступили к поискам?

– Мы опираемся на инструкции книги Перемен, – ответил Ганимед. – Это она, собственно, руководит всей этой операцией. Как только вы приехали в город, книга дала указание принять вас в орден Осени и начать поиски, проигнорировав отсутствие последней буквы. Она еще объявится.

– Почему Осени? – осмелилась наконец Александра вставить слово.

– Это рабочее название, – пояснил Лотар. Просто год назад мы собрались на этой поляне в конце сентября – вот и решили так назвать. Потом, как найдем витраж, переименуем в орден Весны.

– А почему вы называете себя именами растений? – снова спросила Александра, радуясь, что перехватила инициативу разговора.

– Эту поляну посоветовала книга Перемен в качестве штаб-квартиры. Восемь растений образуют тайный круг. Книга с ума сходит по мистике древних кельтов – наверное, поэтому. Все причуды этой книжицы постигнуть никому не дано.

После этого члены ордена стали возле своих лесных тезок, окружавших поляну. Брат Белый Орешник было имя Тони, Лотар прозывался Ясенем, братом Терновником оказался сам Ганимед. Лесным тотемом Анны-младшей была Серебристая Ива, а Мадлена Недельковска, известная больше как сестра Варшава, здесь приняла псевдоним Верба.

– У нас остались жимолость, крыжовник и бересклет, – пояснил Лотар, указывая на кусты с тесно переплетенными ветвями.

Книга Перемен нарекла Магдалину Жимолостью, а младшая Гадалова стала сестрой Крыжовник. Ганимед прикрепил к их плащам желтые листья.

Пока все это происходило, Александра анализировала мысли, суетливо роящиеся в ее голове. Теперь ей, вопреки посылам разума, вовсе не хотелось покинуть это сборище: страх прошел.

– Как мы соберем этот витраж, – спросила она, адресуясь к Ганимеду, – если старосты не оставили никаких намеков на его расположение?

– Подсказки нам дает книга Перемен, она явно в курсе, – сказал председатель. – Правда, они весьма туманны. Если бы книга не была дамой, я бы встряхнул ее как следует, чтобы она выражалась яснее. Пока эти смутные аллюзии – все, что у нас есть. Ну и, конечно, мы понемногу собираем информацию о первых старостах, беседуем с их потомками, чтобы нащупать хоть какие-то ниточки.

– Так что говорит книга, можно узнать? – осведомилась Магдалина. Вместо ответа Лотар подал ей заготовленную заранее бумагу – на ней был написан странный текст.

Девушка пробежала его глазами и воскликнула:

– Ну это совершенно никуда не годится! Что вот это такое: «Первый фрагмент у всех на виду». Или еще лучше: «Второй отыщете в собственном кармане»!

– Ничего не попишешь – нужно искать. Книга обещала, что после вашего прихода мы начнем наконец-то собирать витраж. Орден ждал вас длительное время, и теперь можно приступить к поискам, – успокоил ее Ганимед.

– Постойте, но ведь к книге Перемен имеют доступ и другие преподаватели, – вдруг вспомнила Александра. – А может, и кто-то из учеников. Получается, и они тоже знают?

– Книга дала подсказки только мне, – успокоительно сказала Варшава. – Потом этот сюжет исчез с ее страниц. Больше никто не осведомлен.

Как выяснилось позже, книга надула ее самым бессовестным образом.

...Сестры вернулись домой в третьем часу ночи. Госпожа Патронесса и Павлина были в отъезде, на горничную можно было положиться, на кухарку полагаться не стоило, но ее крепкий сон внушал доверие – никто не узнал об их отлучке. Правда, Ганимед пообещал, что будет назначать собрания пораньше и даже, возможно, не в лесу, поскольку девушки уже познакомились со своими древесными покровителями.

– Что ты думаешь обо всем этом, Даля? – спросила сестру Александра.

– Я знаю только то, что еще не поздно отказаться, – ответила Магдалина.

– Почему? Ты с превеликим энтузиазмом ухватилась за эту идею... Что такое ты говоришь?

– Моя милая тетка шепнула мне на обратном пути то, о чем умолчал Ганимед: поиски неизбежно повлекут за собой потери. За каждый фрагмент нам придется чем-то пожертвовать. И чем ближе к победному концу, тем значительнее будут наши утраты.

6

На сонной карте голубело небо, на нем паслись коровы, буднично пощипывая облака.

– Пусть хоть грозовые тучи съедят, что ли, – закончив уборку в спальне Александры, пробормотала себе под нос горничная и направилась в столовую, чтоб узнать у барышень, не нужно ли чего.

– Откуда это наша синяя птица возвратилась? – спросил у нее Лотар, увидев в окно Магду в подъехавшем экипаже. Он несколько суток провел на меховой ярмарке в Е-йске и немного выпал из событийного ряда семейства Гадаловых.

– Да вот, третьего дня уехали в К. неизвестно зачем, нам не пожелали ничего объяснить, – только и успела сказать горничная: дверь стремительно распахнулась, и на пороге появилась сияющая Магдалина в щегольских сапогах. Резким движением развязав синюю ленту на бирюзовой шляпе, она бросила головной убор на стул перед зеркалом и прошествовала в столовую.

Там ее кивком головы поприветствовали двоюродные сестры, с сонным выражением на лицах доканчивающие завтрак.

– Во сколько же ты встала, чтобы приехать в такую рань? – осведомилась Александра, с удивлением прищуривав на сестру свои подслеповатые глаза. – Ты такая бодрая и свежая – уж не хочешь ли заменить меня в гимназии? У нас сегодня первая лекция по амра... амартологии.

– Что это за петрушка? – хриплым спросонья голосом спросила Павлина, хотя ей, в общем-то, это было безразлично.

– Учение о грехе, – почему-то сердито ответила ей Магда прежде, чем Александра успела открыть рот.

Младшие сестры посмотрели на нее с интересом, но ничего не сказали.

– Ну, что нового в городе? – Бергман пристально разглядывал элегантную обувь старшей сестры.

– Там гораздо холоднее, чем у нас, – ответила она, усаживаясь за стол. – Листья давно облетели, и ветер такой пронзительный – я пожалела, что не взяла с собой беличью накидку. Знаешь, я уже начинаю верить в эту историю о суде над Зимой.

– До первого декабря она и носа сюда не посмеет сунуть, – заверил ее Лотар.

– А мы тут с Павлиной тоже времени не теряли: ходили, представь себе, на фотографическую выставку, – похвасталась вдруг Александра.

– Что за выставка? – отозвалась Магда довольно равнодушно и нетерпеливо позвонила в колокольчик, чтобы и ее оделили завтраком – омлетом с ананасовым соусом и горячим луковым супом с гренками.

– Адамс представил свои работы широкой публике, – пояснила Александра.

– Чудные фотографии! – поддержала ее Павлина. – Полгорода побывало на этой выставке, и тебе, дорогая, туда нужно сходить обязательно. И тебе, Лотар.

Видя, что Магдалина, равно как и Бергман, не особо заинтересовалась, Александра попросила горничную принести из спальни небольшую коробку.

– Мы тут разжились парой образцов, – пояснила она сестре и торжественно продемонстрировала фотографический снимок, изображающий уголок сада с розовыми кустами.

– Кто-то не поскупился вылить на него полбутылка цветочной эссенции, – сказала Магда, разглядывая изображение и невольно принюхиваясь: от снимка исходил приятный аромат.

– Да нет же, – чуть ли не хором воскликнули Александра с Павлиной и принялись наперебой объяснять: фотография сама источает этот запах, никто не прыскал ее духами. Три года Адамс ставил опыты по изготовлению дагерротипов, способных фиксировать запахи, и примерно семь месяцев назад ему наконец это удалось.

– Адамс большой чудак, – добавила Павлина, – представляешь, он носит на пальце вместо перстня согнутый кольцом черенок от серебряной ложки! Да и вообще в нем хватает странностей.

– Как бы то ни было, выставка всех впечатлила, – продолжила Александра. – Мы морщились у фотографии рыбной лавки, наслаждались ароматами хвои и тамариска на пейзажах. От портретов дам веяло лавандовой водой, от извозчиков несло пóтом.

– Адамс фотографирует извозчиков? – удивилась Магда.

– Он фотографирует все и всех, – ответила младшая Гадалова, – но только то, что сам захочет.

Из дневника Магдалины

Моя поездка в К. принесла богатый улов – и деньги, и интересные догадки о первом фрагменте витража. Начнем с денег – именно они моя головная боль последнего времени. Матушка снова влезла в долги, пишет мне бесконечные письма – чтобы я помогла рассчитаться с кредиторами. Пристрастие к алкоголю, а теперь, как сообщили ее новоявленные друзья, и к игре, отшатнули от нее Гадаловых, и никто уже давно и слышать про нее не хочет, ибо Эмма Полозова стала маргинальной язвой на здоровом теле уважаемого семейства. Она снимала слишком роскошные апартаменты в столице, но на данный момент вынуждена съехать, поскольку нет средств заплатить.

Требуется немедленно выслать денег, да еще и грозитя обнародовать некий неизвестный людям факт моей биографии. Никогда не предполагала, что маменька опустится до столь малодушного шантажа; однако пришлось сыскать ей финансы – деваться некуда.

Очень надеюсь, что домашние не сразу заметят отсутствие на моей полке старинной чайной пары наполеоновской эпохи и одного из вазонов с розами невиданной расцветки, которые я продала в К.

Покинув родственников, я заперла дверь на щеколду, села на диван и тут же подскочила от неожиданного кошачьего вопля: Тереза, толстая кошка госпожи Патронессы, пробралась в мою комнату и расположилась за диванной подушкой. Я выбросила ее на лестницу (она шмякнулась об пол ленивым куском теста), снова заперев дверь, – мне не нужны были никакие свидетели, – расстелила кружевную салфетку и пересчитала на ней вырученные деньги.

Из-за угроз Эммы было не по себе, но я отогнала страхи и отправилась в ванную отмывать ноги: под шикарной обувью скрывались чумазы подошвы – Осип, который один меня понимает до конца, разрешил побегать босиком по саду.

Ну а теперь стоит подготовить кое-какие материалы для следующей сходки о (рдене) О (сени). Я на славу покопалась в архиве в К.! Необходимо все это собрать воедино и тщательно проанализировать.

(через три пустые строчки)

Позвольте, господа будущие читатели дневника, а куда делся список с подсказками?..

Две недели назад произошло событие, необыкновенно важное для семейства Гадаловых, пусть и совершенно незаметное, поскольку случилось оно, можно сказать, на столь любимом в Ялуторовске метафизическом уровне: ушла в отставку преданная домовиха Марта Крысобо́йца, почти полвека заправлявшая делами их резиденции. Как известно, период смены домовых чреват для жилища разными последствиями, ибо оно становится очень уязвимо – могут нагрянуть воры или произойти пожар.

Марта осознавала, что ее уход делает дом беззащитным, однако возраст – домовихе перевалило за сотню – не позволял ей так же хорошо, как раньше, справляться со своими обязанностями. Помимо охраны здания от грызунов и насекомых, она боролась с сыростью, вытаскивала на видное место потерянные домочадцами предметы, принимала кошачьи роды. Пока

особняк пустовал, Марта добросовестно приглядывала за хозяйством; благодаря ее неусыпному оку в доме ничто не пропало и не испортилось.

Ей на смену пришел Памфилий Скалозуб, личность не с самой лучшей репутацией – говорят, он водил дружбу с крысами и был нечист на руку. В этот дом его приняли то ли по протекции, то ли из-за взятки.

Одним не слишком счастливым для Гадаловых вечером, когда все семейство уже изволило почивать, на пороге гостиной появился не вполне трезвый Скалозуб с маленьким саквояжем. Свою берлогу он устроил внутри фортепьяно – в отличие от Марты, ютившейся на чердаке, Памфилий предпочитал вариться в гуще событий. После того как он разложил свои вещички, пришла Тереза, почуявшая смену власти. Домовой умилил кошку куском колбасы, украденным на местной кухне.

– Ничего так квартирка, – пренебрежительным тоном сказал он, осматривая китайские иероглифы на стене. – Ну да ладно, и здесь устроимся.

Скалозуб пришел в дом Гадаловых с недобрыми целями, которые проявились уже через пару дней: именно он выкрал из ящика стола Магдалины список подсказок, полученный сестрами на лесной поляне. Девушка перевернула все вверх дном, но документ как в воду канул. Лотар успокоил ее, сказав, что невелика потеря, это всего лишь копия страницы из книги Перемен – такие есть у всех членов древесного братства.

Памфилий этого не знал и с чувством исполненного долга закопал бумагу на конюшне.

– Не понимаю, почему хозяин заинтересовался этой вещицей. «Один фрагмент у всех на виду. Второй найдете в собственном кармане. Елена Прекрасная укажет на третий...» Что за бред написан на этой бумажонке?..

Когда лукавый карлик собрался идти обратно, неожиданно путь ему преградил Изумруд. Домовой попытался проскользнуть между ног коня, но тот угостил его мощным ударом копыта.

– Ах ты ничтожная тварь, да я тебе покажу! – возопил лиходея, поднимаясь с земли и отряхивая одежду. Изумруд угрожающе заржал.

– Ты, грязный проходимец, не смей ничего красть у хозяек, иначе растопчу, – тихо и внятно на лошадином наречии произнес конь.

Скалозуб, учившийся в школе более чем посредственно, смысл фразы уловил лишь исходя из контекста.

– Не стой у меня на пути, – огрызнулся он, отпрыгнув на безопасное расстояние. Между тем Изумруд подошел к месту, где Памфилий закопал список, и принялся рыть землю, стараясь вывести на свет Божий этот клочок бумаги, но тот лежал слишком глубоко.

Скалозуб плюнул и выбежал из конюшни, полный злобы и желания как-нибудь насолить коню, который здорово его лягнул и осмелился вмешаться в его планы.

Благородное животное переживало за своих хозяек, видя, какой пройдоха их новый домовый. От такого можно было ожидать чего угодно. Изумруд много раз пытался объяснить это Александре, но та воспринимала все на свой лад.

– Сейчас я покормлю тебя, мое лукошко с медом, моя луковка, – отвечала она в ответ на его встревоженное ржанье.

Хозяйки, конечно, чувствовали, что в доме произошли перемены, но затруднялись дать им какое-то рациональное объяснение. Слуги обнаружили на кухне противных рыжих муравьев, причем вывести их не получалось очень долго. Разве во времена правления опрятной Марты такое могло произойти?

Магдалинины розы сохли, Александра плохо спала, а Терезу иногда ловили с неопознанным куском мяса или сосиской – это Памфилий приносил ей из соседней лавочки, чтобы та не гонялась за крысами. Домовой стал якшаться с крысиными князьями, допуская их в подполье. Конюшню по возможности старался обходить стороной, потому что Изумруд начинал про-

сто истерично ржать при его появлении. Желая сделать какую-нибудь пакость умному животному, Памфилий подсылал крыс есть его отруби и гадить в воду.

Изумруд не переставал строить планы по разоблачению негодяя. Сестра Петронила, как говорили ему знакомые лошади, знала язык коней и могла ему помочь. Но у них в доме она пока не появлялась, а на территорию гимназии животных, разумеется, не допускали. Оставалось только ждать подходящего случая.

Между тем хозяйки озадачились новыми заботами: в октябре по традиции в Ялуторовске отмечали два праздника: день Новициата для гимназистов-первокурсников и бал-маскарад – для всех.

Магдалина сидела на подоконнике в читальне, обняв колени. Рядом лежали Василий Великий, Транквилл и свежие газеты, но сосредоточиться на чтении не получалось. Эмма, словно левиафан, проглотила семь десятков золотых, собранных с таким трудом, без тени благодарности. Позавчера от нее пришло очередное письмо: если дочь не достанет три тысячи к весне, она придет в Ялуторовск и публично ее разоблачит.

Открыто попросить помощи Магда не имела возможности, ведь дедушка Гадалов проклял Эмму за разгульный образ жизни и запретил всем, включая родную дочь, отсылать ей какие бы то ни было средства. Магдалина сама получала довольствие из дедушкиных фондов, поэтому не могла никому – кроме, пожалуй, Осипа – поведать о своих финансовых проблемах. Игнорировать шантажистку тоже не представлялось возможным – она могла серьезно отравить жизнь. Но тем не менее Эмме не удалось пошатнуть внутреннее равновесие дочери. Она решила отложить вопрос с крупной суммой до декабря. Пока ее волновали другие вещи.

Имея три золотых в кармане, нужно было готовиться к осеннему балу, который традиционно проводился неделю спустя после праздника новициев. Для маскарада требовался костюм; казалось бы, для Магдалины, виртуозной швеи, это не было сложностью – она и из дешевой ткани сварганила бы дивную праздничную робу; но на этот раз девушка задумала нечто грандиозное, что сразит наповал и ее сестриц, и госпожу Патронессу, и весь Ялуторовск в придачу.

Однако денег не имелось – она отдала последние маменьке; еще раз, в совершенно глупой, детской надежде Магдалина перерыла свой бумажник, но нашла только лотерейный билет, о котором давно забыла.

– В этой лотерее одна сплошная дребедень, – заверила ее тетка, когда Магда приобрела билетик у распространителя. А тут еще местная газета написала, что купец Жеребятников, известный и прежде диковатыми чудачествами, выкинул новый фокус – заклеил стены в одной из комнат своей трехэтажной резиденции пятидесятирублевыми купюрами. Прочитав эту заметку, Магдалина рассерженно отшвырнула издание: нужно было немедленно что-то придумать, ведь до праздников оставались считанные дни.

Какое-то время она пребывала в раздумье, затем купила зеленую восковую свечу и отправилась в часовню к мадонне Изобилие, расположенную на улице Св. Николая.

Именно из этой отправной точки свой путь к богатству начал некогда нищий торговец сбитнем, а ныне миллионщик Жеребятников.

Здесь мадонна Изобилие, не в пример другим, напрямую общалась с прихожанами. Нет, в часовне не было чудесных явлений наподобие Лурда или других мест; не стоит также думать, что статуя что-то говорила людям, – статуи по своей природе молчаливы, и даже самая горячая молитва не заставит их разговориться. Советы и пожелания мадонны высказывались прихожанам при помощи специальной корзины, всегда полной записок, свернутых в трубочку и перевязанных зелеными лентами. Магдалина не без волнения опустила в корзину свою худую руку и извлекла оттуда записку. Ее сердце при этом плясало бешеную польку.

Минуты две барышня медлила: что скажет ей мадонна? Такую записку можно вытащить только раз в год. Это единственное руководство, которое она могла получить. Ей нужно было как-то справиться с маменькой, точнее, с ее непомерными аппетитами, чтобы та не выдала

тайны во внеурочное время. Магда развернула листок. Посередине аккуратным почерком было написано: «Мать-природа – работодатель твой».

– И все? – не удержалась от восклицания девушка. – Она посмотрела на статую, как будто надеясь получить от нее дополнительные сведения, но та была неумолимо нема.

С тяжелым чувством ребенка, которому обещали конфету, а дали лимон, Магдалина вышла из часовни. Немного проплутав по городу, но так и не найдя ключ к словам мадонны, она вернулась в родовое гнездо. Дома сестры и невозмутимый Реутов пили чай с оладьями, веселые и ничем не обеспокоенные.

– Что такая хмурая, сестра? – спросила Александра, впрочем, как всегда, скорее из вежливости. – Кстати, ты уже продумала себе наряд к маскараду?

Магдалина промолчала, однако, как она и предполагала, эта реплика и не нуждалась в ответе, а служила лишь зачином для рассказа Александры о ее собственном туалете. Она показала сестре эскизы костюма монгольской княжны с восьмицветной птицей хангаруди на груди, с грушевидными жемчужинами вместо когтей – эти рисунки были найдены на чердаке. Речь шла о том, чтобы Магда помогла с вышивкой. Покряхтев, старшая Гадалова согласилась – действительно, лучше нее этот узор вряд ли кто-нибудь исполнит.

Когда вопрос утрясли, Павлина стала допытываться, в чем же она собирается прийти на маскарад, – сестра еще ни словом не обмолвилась о своих планах. Выведать ей, правда, ничего не удалось, хотя к ее расспросам подключился даже равнодушный к женским нарядам Реутов.

– Магда, все-таки скажи: отчего ты грустна сегодня? – спросила ее вечером Александра, когда они уединились в спальне у последней, чтобы выбрать мотки ниток подходящих цветов.

Магдалина объяснила, что ей хочется найти себе какую-нибудь работенку – ну, конечно, не для денег, но так, чтобы время скоротать, пока другие члены семьи заняты на государственной службе или на учебе. Про деньги Александра не поняла бы – откуда ей, дочери богатейшего предпринимателя, осознать, что Магда, по сути, нищая приживалка и носит шелковые сорочки лишь до тех пор, пока на нее распространяется благоснисхождение кузины и взбалмошного дедушки Гадалова?

В этот момент дверь в спальню с грохотом распахнулась – горничная, забыв субординацию, ворвалась в комнату.

– Барышни, Изумруд помер! – испуганно выдавила она.

Сестры стремглав помчались в конюшню: там, среди разбросанной соломы и перевернутых лоханей с водой, в ожерелье кровавой пены лежал бездыханный любимец семейства.

7

Ранним октябрьским утром субботы Тони явился проведать Александру – узнать, оправилась ли она после гибели Изумруда, – но из всей семьи он застал только одну Магду, которая сидела на кухне в голубом фартуке, обсыпанном мукой, и резала кружкамипельменное тесто при помощи опрокинутого фужера.

– Сестра ушла в общественное собрание развеяться, – сообщила она Реутову раньше, чем он успел задать вопрос. – Пускай побряцает на арфе.

– Как она себя чувствует?

– Немного зареванная, но, кажется, уже смирилась с утратой. Я равнодушна к лошадям, однако нельзя не признать, что Изумруд был восхитительным конем. Кому и зачем потребовалось его травить?

– Возможно, кто-то желал убрать конкурента на скачках? – предположил Тони, хотя понимал, что это слишком простая версия случившегося.

– Нет, здесь что-то не так, – ответила Магдалина, пододвигая ему миску с начинкой, чтобы он тоже включился в работу, – и Реутов покорно принялся за лепкупельменей.

– У меня такое ощущение, что хотели насолить лично ей. Деморализовать ее, и это злоумышленникам вполне удалось. Она уже адаптировалась к учебе в гимназии, стала регулярно посещать библиотеку, но после того, как конягу убили, сестра охладела к занятиям и книжки забросила. Ее нужно чем-нибудь отвлечь, или развлечь – не знаю, что правильной.

– Я как раз хотел предложить Александре сходить сегодня в музей – она ведь там еще не была, а место это прелюбопытнейшее... Идея пришла ко мне совершенно спонтанно, поэтому я и заявился без приглашения – не думал, что она уже убежит куда-то в такую рань.

– В музей? – оживилась Магдалина. – Знаешь что, своди-ка меня туда, а то этот лошадиный траур нагоняет тоску. Тем более что Марья Клементьевна ушла куда-то по делам и, как по заказу, прихватила с собою Павлину, поэтому нет опасности, что эта сдобная ватрушка за нами увяжется.

Наспех долепив пельмени, приятели отправились в музей. Это было очаровательное одноэтажное здание в псевдокитайском стиле.

Вся экспозиция расположилась в трех залах. Самый первый посвящался ангельскому сегменту в истории города, остальные два – светским событиям за последнее столетие и археологии.

В серафическом зале почетное место занимала витрина с ангельскими перьями в количестве шести экземпляров – пять белых, переливающихся бриллиантовой пылью, и редчайшее перо голубого оттенка с продолговатыми жемчужинами у основания. Рядом с перьями лежал сертификат, удостоверяющий подлинность камней.

– К чему такая щепетильность? – удивилась Магдалина.

– Ну, просто одно время ходил слух, что администрация музея подменила камни стекляшками, а на вырученные деньги закупила археологическую коллекцию. С тех пор перья отвозятся на экспертизу каждые шесть месяцев, – с кислой усмешкой сказал Реутов.

Девушка между тем подошла к следующей витрине: в ней стоял одинокий бутылек, наполненный прозрачной жидкостью.

Надпись под флаконом гласила: «Дар краеведческому музею от капитана Семнадцатого отряда Воинств. Без крайней необходимости не вскрывать».

Как оказалось, во флаконе в равных пропорциях содержалась вода из четырех райских рек.

– Жаль, что ангелы не оставили нам линейку или на худой конец термометр, чтобы измерить степень этой необходимости, – пробормотал Реутов. – Зато здесь имеется пара градус-

ников для вычисления силы воли. Вот они на стенке висят, маскируются под музейные термометры. Эти градусники периодически забирают в гимназию – проверяют волю к учению у первокурсников.

– Ты серьезно? – недоверчиво спросила Магда.

– Более чем, – подтвердил Тони. – Волевой коэффициент записан в личном деле у каждого гимназиста.

– Александра почему-то ничего про это не сказала, – с сомнением заметила Магдалина.

– Ну, знаешь ли, это не принято афишировать. Возможно, проверка была в виде медицинского осмотра. Сестра Прага считает, что сообщать об этом ученицам напрямую неэтично, хотя человека с волевым коэффициентом меньше двух в гимназию не возьмут.

– Ой, а можно измерить мою волю? – загорелась девушка.

– Боюсь, что нам не разрешат. Обычным посетителям их в руки не дают.

Все остальные экспонаты в этом зале свелись к открыткам, раритетным рисункам и личной корреспонденции ангелов.

– А что за странная коробка – «Пожертвуйте на Музей снега»? – Магда указала на большой ящик, стоявший в уголке.

– Это затея мужа сестры Варшавы, – сказал Тони и погрустнел.

Уже потом Гадаловы узнали, что Реутов давно и абсолютно безнадежно влюблен в пани Недельковску.

– Он считает снежную массу Ялуторовска настолько уникальной, что в зимнее время здесь нужно организовать еще один музей, посвященный исключительно снегу. Пару лет назад супруги устроили рождественскую выставку-ярмарку, которая произвела фурор. Тогда были заработаны кое-какие деньги, ставшие финансовой основой для музея. Однако средств все еще недостаточно, поэтому и ведется сбор пожертвований.

В археологическом зале тоже было на что поглазеть. Осмотрев коллекцию наконечников и глиняных черепков, Магдалина обратила внимание на цветные рисунки, изображающие нарядную пагоду, какую-то усеченную пирамиду с лестницами и древний склеп из мрамора желтоватого цвета.

– Это из нашего археологического заповедника, – с гордостью сказал Реутов. – Один из серафимов работал по совместительству в комиссии, следившей за памятниками истории и культуры. Он был умелым реставратором и по долгу службы приглядывал за некоторыми важными объектами, еще не обнаруженными учеными, защищая их от воздействия неблагоприятных факторов, чтобы они окончательно не развалились ко времени открытия. Поскольку ангел трудился весь день на стройке, рыл котлованы и клал кирпич, на реставрацию у него оставалось несколько ночных часов. За этот срок он не успевал добираться до своих подопечных, поэтому выбил – не без труда – разрешение перенести все здания в одно место.

После этого за вересковой пустошью, в долине трех скифских курганов, появился пестрый исторический конгломерат из непальской пагоды, небольшого тольтекского храма и этрусской гробницы. Раз в месяц отдел культуры при градоправлении организует туда экскурсии. Сестра Прага обещала, что будет судиться с ним: памятники-то еще числятся неоткрытыми, а их тут показывают кому ни попало.

– Ну и что, ты считаешь, что она не права? – осведомилась девушка, хотя сама ощутила жгучее желание поглазеть на них воочию.

– Может быть, и права... Но скажи: кто теперь перетасит их обратно? По железной дороге эти махины вряд ли отправившь. Где нам взять полноразмерных серафимов?

Магдалина улыбнулась и развела руками. В самом деле – где?..

– Так что же, мы должны эти шедевры от людей прятать? Я поговорил с ангелами Схоластики – они мне сказали, что в их компетенцию этот вопрос не входит, но вообще какого-то вопиющего нарушения в этом, наверное, нет. Правда, профессиональных археологов все-

таки просили сюда не пускать и давать всем посетителям таблетки-молчанки. Это специально изготовленные ангелами пилюли для адресного молчания. То есть молчание адресуется только к одной конкретной теме.

– Ой, а мне бы такую таблетку, для матушки моей, она очень у меня болтливая, – с надеждой попросила Магда.

– Сама понимаешь: эти пилюли не для злоупотреблений, – нахмурился Реутов. – Они в градоправлении на строгом учете.

– Жаль. Впрочем, она и не согласится на такое, – пробормотала Гадалова.

Мать в пьяном угаре все чаще обещала разгласить кое-что лишнее, уже и не дожидаясь весны. Конверты, подрумяненные гневом, содержали письма, полные угроз, выведивших Магдалину из равновесия.

Вдруг она услышала непонятный диалог между посетительницей и экскурсоводом.

– Я пришла зрение восстановить – не скажете, где книга?

– Вы же читали в газете про Шерстобитова? Он нарушил обязательства перед гимназией и дважды пропустил свою вахту, из-за чего мы потеряли две главы. – Музейная дева тяжело вздохнула. – Теперь времени и денег у вас уйдет больше.

Девушка попросила Тони разъяснить туманную беседу.

– Речь идет о книге для улучшения зрения. Это редкое издание нужно регулярно подновлять, и, если его не перечитывать с определенным интервалом, текст просто исчезает со страниц, – ответил Реутов. – Фолиант находится в ведении гимназии. Поначалу его использовали среди своих, но в последние годы и простым горожанам дали допуск, правда, им уже бесплатно. В гимназию посторонним вход заказан, поэтому книга хранится в музее. Прошлой весной не набралось минимального количества желающих подправить зрение – в результате было выбрано десять учеников из мужской гимназии, чтобы они попеременно несли вахту, читая целительный текст. Все девять добросовестно исполнили свой долг, а Шерстобитов пару раз сволынчил – в итоге в пятнадцатой и шестнадцатой главах появились лакуны.

– Прискорбно, – посочувствовала Магдалина. – Его наказали?

– Самым строгим образом. Исключили из гимназии.

– Насовсем? – ахнула Гадалова.

– На полгода, – отозвался Реутов. – При условии внесения значительной суммы в качестве штрафа и безупречного поведения он может быть снова интернирован на территорию мужской гимназии.

Вернувшись из музея, девушка опять застала сестру в меланхолии – она сидела на диване, прижавшись лбом к подлокотнику. Было очевидно, что серафические арфы не подняли ей настроение.

– Может, доктора Клюге позвать? – спросила Магдалина, обнимая страдалицу за плечи. Александра мотнула головой.

– Тогда посмотри, что у меня есть. – Старшая Гадалова положила ей на колени красивый свиток, перевязанный красным шнурком. Поскольку интереса к нему не проявили, Магда сама развернула документ. На нем были непонятная схема и надпись: «Карта кладов города Ялуторовска и прилежащих территорий». На карте имелось около десятка зеленых точек, обозначающих зарытые или иным образом спрятанные сокровища.

– Три клада уже нашли, а вот золото купчихи Юлдаковой до сих пор никто отыскать не может. Хочешь, попробуем, сестрица? Я думаю, будет презабавно.

Александрю карта отвлекла, но ненадолго. Как ни странно, музей абсолютно бескорыстно раздавал подобные карты, составленные еще серафимами-основателями. До сих пор отрыли меньше половины кладов. Возможно, потому, что дело это было муторное, или же просто горожане жили в достатке и им казалось диким копать какие-то ямы в лесу ради сомнительной ценности набора из серебряных ложек.

Магдалина, отложив в сторону карту, увидела, что на полу валяется газета господина Мыльников с заметкой про смерть Изумруда.

– Каков пострел! – нахмурилась Магда, пробегая глазами статью. Мыльников помпезно именовал их любимца «Буцефалом нашего времени» и развивал версию о том, что кто-то решил уничтожить конкурента на скачках. Однако каким образом гнусный убийца прокрался на территорию гадаловского особняка, оставшись полностью незамеченным и для слуг, и для хозяев?

Мыльников не знал ответа на этот вопрос. Злоумышленник беспрепятственно проник в конюшню, поскольку он был маленького роста, да к тому же почти невидим. Им оказался не кто иной, как Памфилий, негласный хозяин усадьбы. Изумруд грозился разоблачить его деяния перед хозяевами; кроме этого, на днях он раздавил копытами двух крысенушек, которые были детьми крысиной аристократии. Все это ускорило его гибель: по наущению крыс Скалозуб вошел в конюшню, пока Изумруда распрягали на заднем дворе, и через полчаса животное издохло в муках.

– Магда, скажи, ты лучше разбираешься в этом: для лошадей есть место в раю? – спросила Александра, у которой лицо снова подозрительно раскисло.

– Конечно, дорогая, – заверила ее кузина. – Наш Изумруд катает теперь пухлых ангелочков на своей спине.

Девушка представила себе эту картину и немного успокоилась.

«А я бы господину Мыльникову все-таки дала дюжину-другую пилюль, для адресного молчания», – подумала Магдалина, оставляя сестру наедине с хандрой.

Из дневника Магдалины

Первый фрагмент нашелся на удивление легко. Подсказка гласила, что он у всех на виду. Значит, витраж расположен в месте, мимо которого не проходит ни один житель города. Я начала поиск со сквера Несокрушимого Счастья, на нем же он и закончился.

Второе в моей жизни собрание ордена Осени состоялось в лесу в дневное время и было на всякий случай оформлено в виде пикника. Аня Нарышкина пекла в углях картошку, а Реутов взял с собой гитару, на которой периодически тренькал разные песенки. Я попросила его сыграть «Каде Руселя», и мы с удовольствием спели.

На лесной сходке отсутствовала Александра – у нее все еще не было настроения.

– Даже неплохо, что сестры нет, – обратилась я к древесным братьям. – Не стоит ей слышать то, что я скажу. Как я понимаю, Изумруд погиб потому, что первый витраж найден. Как говорится, око за око. Впрочем, я не думала, что утрата будет настолько болезненной; а мы лишь в начале пути. Прошу вас не заострять на этом внимание Александры, иначе она откажется принимать участие в поисках.

– Ну и что мы от этого потеряем? – невежливо спросила Анна, отвлекшись от картошки. Что и говорить, ее возмутило поведение Гадаловой.

– Мы потеряем все, – спокойно ответил ей председатель. – Когда ангелы просили нас собрать слово «Амальгама», их интересовали не буквы имен в первую голову, а определенные личности с набором каких-то конкретных качеств и свойств, необходимых для поиска. Мы ищем витраж вслепую, руководствуясь весьма туманными подсказками. Однако в мире существует закон притяжения. Древесное общество создано не для того, чтобы раздобыть невероятное количество информации о предполагаемых местах хранения витража, оно просто должно стать большим магнитом, который притянет постепенно все кусочки мозаики. Предоставляю слово нашему новобранцу, который, как выяснилось, уже вышел на след первого фрагмента.

– Позвольте мне изложить историю моего поиска, – сказала я с достоинством, выходя в центр круга с тетрадь в руке, где были кое-какие записи и пометки. Лотар, до этого

момента безучастно жевавший картошку, прекратил свое занятие и уставился на меня во все глаза. Между прочим, я опять была босиком, и поэтому внушала мало доверия. Тем не менее книга Перемен рекомендовала меня в этот лесной кружок, и здесь со мной должны были считаться.

– Я собрала немного сведений про самого первого старосту по фамилии Малоземов. Его биография оказалась до ужаса беспокойной. Выходец из Украины, получивший образование в Вене и Братиславе, он был поначалу униатским священником, затем перешел в православие, но не удовлетворился и этим. Заслышав о строительстве нашего города, он распродал все свое имущество и перебрался сюда, освоив ремесло часовых дел мастера. К слову сказать, в течение десяти лет он оставался единственным часовщиком в городе. Именно он заложил традицию щеголять в золотых брегетах с изображением ангелов, – ему начали подражать купцы, интеллигенция и преподаватели гимназии. Я побеседовала с его правнуками и выяснила факт, очень важный и почему-то никак не отраженный в архивных документах: он принимал самое активное участие в проектировании городских часов, украшающих здание суда.

– Толково излагаете, мадемуазель, – одобрительно хмыкнул Ганимед, перелистывая мою тетрадь.

– Я только-только приблизилась к основному моменту, – продолжила я, недовольная тем, что меня перебили. – Правнуки, проживающие в К., к счастью, сохранили некоторые письма Малоземова. В одном его послании к полячке Агате Каролине я натолкнулась на интересную фразу: «Прячь на самом видном месте». Это прекрасно соотносится с нашей подсказкой. Поначалу я решила, что это имеет отношение к его дому в К., куда он переехал в последние годы жизни. Младшее поколение Малоземовых любезно позволило мне осмотреть дом, но абсолютно ничего напоминающего витраж я там не нашла.

– А дальше? – спросила Варшава, в чьих глазах я уже увидела понимание.

– Дальше мне помогла отсутствующая ныне сестренка со своим слабым зрением. Шерстобитов сыграл нам на руку, поскольку книга испорчена и гимназистам ее временно не выдают. Когда мы гуляли с Александрой по скверу, она сказала, что неожиданно отчетливо видит цифры на городских часах. За день до этого я взяла у сестры Петронилы Большой Ангельский Справочник, где обнаружила коротенькую статейку про альгамбрис, то самое стекло, из которого сделан витраж.

Вот послушайте:

«Альг амбрис, что на языке кентам означает „тайное стекло“. Материал, из которого выстроен Город Четвероугольный, упоминаемый в Апокалипсисе (Иоанн 21—18). Свойства: возвращает зрение, бесплодных делает плодовитыми, помешанные при его длительном созерцании вновь обретают разум».

И вдруг меня осенило: стеклянная пластина, к которой крепятся металлические цифры на часах... Так и есть – это витраж, спрятанный на самом видном месте! Сотни людей проходят мимо него каждый день, ничего не замечая.

Так что мы нашли, с одной стороны, первый фрагмент витража, а с другой – замену книге, которую прохлопал бедняга Шерстобитов.

Как видите, универсальное стеклышко получается. Если бы моя сестрица не глазела тогда на часы, то нам пришлось искать этот фрагмент гораздо дольше.

– Ты делаешь далеко идущие выводы только по непроверенной реплике Александры? – недоверчиво спросил Ганимед. По его тону я поняла: ему неприятно, что эта горбатая девчонка обошла всех членов ордена, живущих в Ялutorовске уже столь длительный срок.

– Нет, почему же? Катенька Чехова, гимназистка второго курса, живущая в мезонине дома номер один на улице Св. Анны, дала сведения по интересующему меня вопросу. Ее бабушка сохранила прекрасное зрение, несмотря на преклонный возраст, причем, по подозрениям Кати,

потому, что любит время от времени поглядывать на городские часы. Катюша призналась: в часах есть что-то необычное, только она затрудняется сказать, что именно.

– Магдалина попала в яблочко, – поддержал меня Реутов. – Циферблат часов имеет примерно те же размеры, что и витражный фрагмент. Кроме того, никто не делает городские часы на стеклянной платформе, но серафическое стекло прочнее любого металла.

– Я думала, витраж – это разноцветные изображения, составленные из кусочков стекла. А часы на однотонной пластине оттенка сирени, – вмешалась в разговор Нарышкина.

– Согласно книге Перемен, рисунок на витраже вновь появится, только когда мы соберем все части воедино. Пока пластины приняли одинаковый лиловый цвет, с маленькими золотыми искорками, видными с ближайшего расстояния. Я же давал вам подборку того, что нужно знать о витраже на одном из собраний, сестра Ива, почему вы не удосужились прочесть? – с неудовольствием спросил Ганимед. Анна обиженно закусила губу.

– Хорошо, мы, конечно, проверим, есть ли там эти пресловутые золотые искры, – сказал Тони. – Но кто нам отдаст этот фрагмент? Пока вся операция ведется под покровом тайны, мы не можем заявиться в градоправление и рассказать про витраж, да еще с просьбой разобрать городские часы.

– А мы и не будем ничего предпринимать, – резонно заметил Ганимед. – Пусть себе остается на прежнем месте. Вот когда одиннадцать фрагментов будут у нас в руках – тогда пожалуйста, начнем решать эту проблему. А пока – несколько вам заданий. Ты, Реутов, дружище, будь добр узнать о наличии золотых искр в стеклянной пластине, чтобы уже наверняка. Аня, пойди в редакцию к Мыльникову – ты ведь его хорошо знаешь? Попроси, чтобы напечатал заметку про целебные свойства циферблата городских часов.

Тут у всех присутствующих вытянулись лица.

– Что, привлекать к этому дополнительное внимание? – возмутилась Нарышкина. – Это безумие, Ганимед!

– Вовсе нет, дорогая. Чем руководствовался наш Малоземов, когда прятал витраж? Прячь на видном месте, – вот его принцип, причем весьма действенный. А мы еще его усугубим. Как сказал один оккультист прошлого века: «Хочешь скрыть истину – опубликуй ее».

– А почему? – вдруг подал голос Лотар.

– Да никто читать не будет потому что. Только запретный плод сладок. У меня есть основания думать, что некоторые враждебные силы попытаются помешать нам отыскать витраж. Вот у Магдалины список подсказок исчез – к добру ли это, спрашиваю вас? А так мы только заметем следы.

Прибавлю, что не все были согласны со столь хитроумным запутыванием следов, но Нарышкина все же предложила Мыльникову написать об этом статью (сразу после того, как Реутов проверил золотые искорки, забравшись ночью по стремянке к часам).

Журналист опросил Катю Чехову и ее бабушку, навел справки у доктора Клюге и нацаряпал в «Городской листок» небольшую статейку под дурацким названием «Глаз-алмаз – который час?».

Статья имела успех у горожан, и теперь по вечерам лавочки на площади перед зданием суда наполнялись жителями и приезжими, желающими поправить зрение. От всего этого проиграл бюджет гимназии, поскольку книга, подпорченная Шерстобитовым, не выдержала конкуренции и перестала приносить доход.

– С чего это Мыльников таким наблюдательным стал? – ворчала сестра Петронила, в третий раз с чувством досады перечитывая заметку. О подлинном источнике информации в газете ничего не говорилось.

Госпожа Патронесса, напротив, с интересом восприняла эти сведения, велела циферблат почистить, а внизу прикрепить доску с инструкцией, как долго и под каким углом смотреть

на него, чтобы зрение улучшилось. Александра стала бегать на площадь после занятий, но времени как следует поглазеть на стрелки, плывущие поверх готических цифр, почти не было – плотный график в гимназии, подготовка к празднику Новициата и осеннему балу съедали все досушие часы.

Хозяин «Городского листка» тоже не дремал: градоправление рекомендовало ему каждую осень готовить очерки по истории города.

Именно по этой причине Карменсита, журналистка и тайная дочь Мыльников, с сумкой наперевес неслась по улице за каким-то господином. Он не очень был расположен к беседе, судя по скорости его удаляющихся шагов.

Она что-то кричала ему вслед, но староста улицы Св. Георгия непреклонно шел вперед, не поворачивая головы. Карменсита собрала все силы, пошла на обгон и загородила Остролистову проход к дому, тяжело дыша пышной грудью.

– Семен Сергеевич, пару слов о вашем прадеде, молю!

Остролистов молча взял ее за талию, приподнял и убрал с дороги. Когда он зашел в дом, девушка расположилась у окна столовой и принялась яростно в него барабанить.

– Господин Остролистов, голубчик, всего пару слов! – кричала она так громко, что на нее уже начали оглядываться прохожие.

В доме не наблюдалось никакого движения; заметив, что окно закрыто неплотно, Карменсита просунула под него длинный ноготь, открыла его и, раздвинув горшки с бальзаминами, очутилась в комнате.

На шум появился разгневанный староста; Карменсита встретила хозяина жилища на коленях с воздетыми руками.

– Умоляю, несколько слов о вашем предке, а не то Мыльников меня приберет или, того хуже, урежет жалованье! – девушка уже приготовилась всплакнуть, как вдруг Остролистов наконец смягчился.

Через минуту они сидели за столом и распивали кофе.

– Что трудного в работе старосты? – спросила журналистка, разворачивая блокнот.

Остролистов задумчиво пожевал усы и ответил:

– Наладить контакт с домовыми.

Карменсита зафиксировала эту мысль и тут же зачеркнула. Ее батюшка такой ерунды не потерпит, поэтому она поспешила сменить русло беседы.

– Недавно градоправление решило создать памятную стелу с именами всех старост, которые вступили на свои должности при ангелах. Как вы оцениваете этот шаг?

– А чего его оценивать? Лоботрясы они все были, – неожиданно процедил собеседник.

Карменсита поперхнулась.

– А ваш прадед? Что вы скажете о нем?

– Лучше бы он водку пил, – отозвался Остролистов, прихлебывая кофе.

– Лучше, чем что? – осведомилась Кармен, с грустью думая об ожидающем ее нагоняе и воплях отца, что она самая никудышная корреспондентка. Все остальные ее коллеги уже взяли у старост интервью и строчили статьи в «Городской листок».

– Стенопроходец проклятый, – развивал свою мысль Остролистов.

– Так он был стенопроходец? Это же так интересно, расскажите подробнее! – Карменсита сделала вид, что она полностью в курсе, хотя такое слово слышала в первый раз.

– А чего рассказывать, ходил себе через стены. – Староста становился все мрачнее. – Сначала он в стенку прятался от прабабушкиных сковородок, которые она в него метала. А потом уже стал по делу и без дела. Плевал он на калитки и ворота там всякие – где хотел, там и шел. Не по-людски это, – закончил удивительно длинный для себя монолог Остролистов и утопил взгляд в кофейной чашке.

Карменсита была довольна; она нащупала нитку для стоящего рассказа. Сковородки и вовсе сообщали истории особую пикантность. Ее карандаш проворно двигался по страницам блокнота.

– Стенопроходство, археология – ваш прадед был таким многогранным человеком, – с уважением заметила девушка.

– Да уж, – вздохнул Остролистов. – Он под землей лазил и в курганы заходил как к себе домой.

– А карту кладов это он ведь вместе с ангелами составил?

– Он бы лучше завещание приличное составил, – пробурчал мужчина. – Без штанов – по его милости.

Но Карменсита пропустила последнюю реплику мимо ушей...

8

Евангелина появилась в Ялуторовске на фоне весьма скандальных событий. Все началось с того, что госпожа Патронесса решила обновить внешний вид городского парка за приютом святого Иосафата и заказала в столице партию статуй античного образца для украшения центральной аллеи. За каждое изваяние из городской казны было уплачено по три сотни рублей – стоимость каррарского мрамора плюс работа скульпторов из самой модной столичной мастерской. Сюда еще следует прибавить расходы на транспортировку, также влетевшие в копеечку.

Что касается скандала, то он разразился, когда недосчитались одной скульптуры – из заказанных восемнадцати в Ялуторовск привезли только семнадцать и пустую упаковку, набитую мусором и камнями.

Марья Клементьевна пришла в ярость от произошедшего. Это был первый случай, когда градоправление ощутило темперамент своей начальницы в полную силу. Она накинулась на Т., конвоировавшего доставку статуй, и отчитала его со свирепостью, какой здесь еще не видавали.

– Ты себе в карман деньги положил, признайся! – кричала она вовсе уж нелепые обвинения.

Ангелы-секретари, присутствовавшие при этой сцене, густо покраснели, но госпожа Патронесса, как всегда, не приняла их в расчет.

– Помилуйте, мадам, зачем мне сдались эти три сотни? – защищался Т. – Если бы я и пожелал украсть казенные деньги, то выбрал бы более умный способ и более солидную сумму.

Конечно, Марья Клементьевна и сама понимала слабость этой версии, но других сколько-нибудь вразумительных объяснений придумать не смогла.

После разбирательств на местном уровне последовала мучительная переписка по телеграфу с мастерской, где был сделан заказ. Оттуда пришло подтверждение, что вся партия – восемнадцать статуй из каррарского мрамора – была упакована в специальные ящики прямо в присутствии Т. и торгового посредника, занимающегося сбытом произведений искусства. Из этого следовал вывод: именно *восемнадцать* статуй погрузили в поезд, и где-то по дороге одна из них потерялась. Каким образом можно было незаметно умыкнуть ее из вагона, а главное, зачем и кому это понадобилось – на данные вопросы не имелось даже приблизительных ответов. Да и кто посторонний мог вообще узнать про перевозку мраморных объектов?

– Я понимаю, что можно вытащить кошелек из сумки, срезать с пояса золотой брегет и прочее, но залезть в вагон, увидеть громоздкие ящики и распаковать их из чистого любопытства – в этом нет никакой логики, – заметила госпожа Патронесса на заседании финансового совета градоправления. – Остается допустить только одно: кто-то проговорился о статуях. – И она выразительно посмотрела на Т.

– Помилуйте, да не брильянты же мы перевозили! – взмолился он, обводя взглядом собравшихся. – Разве в этом была какая-нибудь секретность? Ну, может, и сказал двум-трем людям про них – и что ж с того? Обращаю также ваше внимание, что замки на вагоне не были, не были сломаны! Можете вы себе представить, что кто-то планирует столь тщательную операцию: выясняет время следования поезда, его остановки, затем на одной из станций проникает в вагон неизвестно каким образом, незаметно утаскивает статую, которую под силу поднять только нескольким мужчинам атлетического телосложения, да еще зачем-то набивает ящик мусором и аккуратненько его запечатывает! Сколько труда – и ради чего? Чтобы поместить у себя в саду мраморную Андромеду?

– Бред, – печально вздохнули его коллеги.

Госпожа Патронесса, к чести ее стоит заметить, приложила все усилия, чтобы разыскать пропажу. Марья Клементьевна провела два совещания с начальником полиции, где они в подробностях обсудили маршрут поезда и все географические пункты на пути следования. Был проинформирован персонал станций, где делались сколько-нибудь продолжительные остановки, и приняты прочие необходимые меры.

Однако инцидент дал возможность скрытым недоброжелателям госпожи Патронессы проявить свое неудовольствие.

– Вы, конечно, понимаете, – медленно растягивая слова, говорил председатель совета по финансам, – что теперь мы будем выдавать деньги на ваши проекты с известной долей осторожности. Городской бюджет располагает значительными средствами, но это не повод бросать их на ветер. Разумеется, мы не жалеем денег для благоустройства и процветания нашего города, но...

И за этим «но» следовали продолжительные реприманды. Только серафический секретариат милосердно молчал, хотя госпожа Патронесса вряд ли смогла это оценить. Она чувствовала себя гимназисткой, пролившей чернила на фартук, – ее злого умысла в происходящем не было, но виноватой считалась все-таки она. Ей удалось так быстро и толково освоиться с обязанностями патронажа – и вдруг столь досадный промах! Финансовый отдел, да и другие тоже, не дали ей никакого спуска и не сделали скидку на весьма скромный стаж ее работы – от силы три месяца. Брови насупились, губы презрительно поджалась. «Невежда, недоучка, мещанка», – явственно читалось на этих физиономиях, хотя и не произносилось вслух.

Сумма убытка, кажущаяся не такой существенной, на самом деле умножалась на два, ибо пропавшая статуя была частью скульптурной группы «Персей и Андромеда». «Осиротевший Персей», «Похищение Андромеды», – язвили заголовки в городской газете. Печать в Ялуторовске полностью координировала свои действия с мнением градоправления, и из этого вышло, что последнее одобряло травлю Гадаловой в прессе. Яд сарказма, прикрытый маской деланного сочувствия, оказался серьезным довеском к неприятной ситуации. Благодаря изданию господина Мыльникова каждый житель города был осведомлен о подробностях скандала.

В самый разгар конфликта и появилась Евангелина – девушка с небесными чертами лица в поношенном платье из гроденапля, укрытая от октябрьского холода только жиденькой шалёнкой из синей шерсти.

Почти полдня она слонялась по центру города, не пропуская ни одного магазина и уходя почти сразу же после того, как встречала удивленные взгляды приказчиков. Ближе к вечеру ее пригласили в полицейский участок. Там она не смогла толком ничего объяснить, кто она и откуда, – назвала только свое имя.

– Фамилия? Место жительства? Документы? – допытывался от нее околоточный, но она лишь приветливо улыбалась и хлопала пушистыми ресницами.

– Ну а делать-то что умеешь? – спросил он у нее наконец, но получил только пожимание плечами вместо ответа.

– Так, может, ты слабоумная? – предположил надзиратель.

– Нет, я в своем уме, господин хороший, – уверенным тоном сказала девица.

– А раз ты в здравом уме, пойми, тетёха, что город этот не простой, здесь все жители на особом счету. И даже волосы на головах у каждого посчитаны. Тут нельзя без дела шататься. Может, ты от паломников отбилась? – предложил он ей еще одну версию событий. Будь девица чуть поумнее – наверное, уцепилась бы за эту идею и наплела с три короба, но она по-прежнему молчала.

– У нас бродяжек уже годов семь как нету, и вдруг нате пожалуйста! Что мне с тобой прикажешь делать? Ну чего к нам-то ты заявила? Дошла бы уж до К. – там бы в горничные устроилась или в дом терпимости. А у нас-то и того нет. Но если хочешь, я тебе в момент желтый билет выправлю и в К. перешлю? – не без надежды в голосе спросил околоточный.

Со спокойным достоинством девица отрицательно покачала головой.

Еще через полчаса столь же бесплодного общения надзирателя посетила коварная мысль, благодаря которой Евангелина оказалась в кабинете госпожи Патронессы. Для последней это был сюрприз – она никак не ожидала, что бродяжки входят в ее компетенцию, и уже хотела было выгнать ее в три шеи, как тут ей деликатно объяснили, что нельзя, что это, может, и не бродяжка, а шпионка, которая неизвестно что здесь вынюхивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.